

Алексей Шустов

ПОСЛЕ ГОСУДАРСТВА

2.030

Планета Земля
2023

ББК 66.06
Ш97

Ш97 Шустов А. В.
После государства – 2.030 – Планета Земля, 2023. – 84 с.

Издание специальное

Формат PDF
Для распространения в электронном виде

© Шустов А. В., 2023

ББК 66.06

ОГЛАВЛЕНИЕ

Манифест индивидуального суверенитета	4
ВВЕДЕНИЕ, в котором коротко сказано, о чём эта книга	11
<u>ГЛАВА 1, теоретическая (1 часть), из которой можно понять, на каком идейном фундаменте будет стоять создаваемое общественное здание</u>	<u>14</u>
<u>ГЛАВА 2, практическая, в которой описано устройство идеального мира, предмета мечтаний панархистов, анархо-капиталистов и некоторых других умных фантазёров</u>	<u>16</u>
Система правительственного многообразия	17
Взаимоотношения правительств	19
Вопросы внутренней безопасности – полицейские функции	20
Конфликт законодательств	--
Почему не будут войны правительств?	21
Судьба делинквентных личностей	22
<u>ГЛАВА 1, теоретическая (2 часть), где изложено толкование свободы, с которым легко соглашаются сторонники индивидуализма и которого не понимают коллективисты</u>	<u>24</u>
О происхождении наших прав	--
Границы свободы	25
Аксиоматические основания прав собственности	27
Границы свободы – 2	28
Право на насилие	--
Границы свободы – 3	30
<u>ГЛАВА 2, практическая (продолжение)</u>	<u>33</u>
Применение силы в системе правительственного многообразия	--
Сеть общественных договоров для большинства	34
Применение силы к принципиальным преступникам	--
Пенитенциарная система для участников объединений	35
Суд	36
Коррупция чиновников	--

Открытая система контроля	36
Экономика	38
Обеспечение граждан	40
Пенсионное обеспечение	41
Широчайшее использование страхования. Медицина	42
Образование	--
Выполнение общественно значимых функций	44
Помощь социально незащищённым	46
Почему богатые будут делиться?	47
Культура и наука	48
Почему «государства богатых» не будут угнетать «государства бедных»?	50
Почему «государства социалистов» не будут беднее «государств либералов»?	52
Разъяснение терминов	54

ГЛАВА 3, организационная,

в которой описано, что следует делать, чтобы в 2030 году была возможность выйти из-под власти территориальных государств и оказаться в юрисдикции экстерриториального сообщества	56
Ответственность инициатора	58
Деление почкованием	60
Подготовка правовой инфраструктуры	61
Первые шаги	62
План действий для 2023 года	63
Легитимация сообществ	68
Взлом кода	69
Сроки реализации	72

ГЛАВА 1, теоретическая (3 часть),

из финала которой можно понять, зачем вообще понадобилось придумывать что-то новое вместо привычной «демократии»	73
---	----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ,

в котором подведён итог всему вышесказанному	82
--	----

Об авторе	83
------------------------	----

Манифест индивидуального суверенитета

В течение двухсот с лишним лет, после Американской и Великой Французской революций, наиболее успешные результаты политического управления приносила электоральная демократия с расширяющимся избирательным правом, которая воплощалась в государственном устройстве стран Западной Европы, Северной Америки и ряда других. Она была реализована на основе национальных государств, постепенно ставших после Вестфальского мира 1648 года основной моделью государственного строительства.

В начале XXI века ситуация стала быстро меняться. Мировое сообщество столкнулось с противоречием двух основных принципов международных отношений: нерушимости признанных государственных границ и права наций на самоопределение. Формальное решение этого противоречия отсутствует.

Тем временем из-под асфальта традиционных государственных форм уже пробиваются ростки новых систем политической организации. Наиболее активные и адаптивные люди всё меньше нуждаются в территориальном государстве как организационной рамке для реализации своих интересов. Индивидуализация коммуникаций – это не только возможность мгновенно связаться со своими контактами в любом уголке цивилизованного мира, но и свобода в выборе средств обеспечения своей жизни. Территориальный принцип организации человеческих сообществ, который был неизбежен из-за ограничения коммуникации физической досягаемостью партнёра, больше не обязателен для активных людей. А если кому-то не нужно быть физически вместе, чтобы мгновенно взаимодействовать, то национальные государства, созданные по территориальному принципу, только мешают этим людям.

В политической философии уже несколько лет ведётся дискуссия о новых формах политической организации. Весьма популярный вариант – создание квазигосударственных систем на базе крупнейших мировых корпораций. Действительно, Google, Facebook, Microsoft объединяют сотни миллионов человек по всему миру, которые им доверяют. Эти люди многократно в течение каждого дня своей жизни взаимодействуют с данными корпорациями с помощью электронных сетей – гораздо чаще, чем с государственными органами своего гражданства или подданства. Почему бы не появиться квазигосударствам на базе данных корпораций, которые будут предоставлять своим клиентам те же формы

обеспечения их интересов на внешнем контуре, каковые предоставляют сегодняшние национальные государства?

Да, возможно, так и будет происходить, и в недалёком будущем виртуальные корпоративные государства возникнут.

Однако, уже не будучи ограничены территориальным принципом, как нынешние классические государства, такие квазигосударства корпораций не избавятся от другой болезни, ослабляющей их конкурентов, – политического популизма. В системе демократии большинства, если такое голосование будет сохранено внутри «государств-корпораций», популисты смогут поддерживать безумные идеи, удобные для решения их эгоистических задач, но разрушающие общественную жизнь. Уже сегодня мы видим, как Facebook или Twitter вынуждены менять свою политику под влиянием общественного мнения, под давлением популистов.

Если же «государства-корпорации» будут построены на основе противоположной, авторитарной модели управления, то они будут подвержены управленческой деградации и станут проигрывать конкурентам уже в среднесрочной перспективе. Одним словом, «корпоративные государства» не смогут избежать основных управленческих болезней территориальных государств.

Индивидуальный суверенитет – вот тот принцип, который позволит создать новую форму политической организации, адекватную XXI веку с его мгновенными глобальными коммуникациями.

Что должно быть первично в отношениях между людьми: интерес коллектива или интерес индивида? Ответ на этот вопрос не может быть найден в дискуссии, даже научной, так как он относится к числу убеждений, усвоенных каждым человеком в процессе воспитания, начиная с детства. Логический спор по этой теме может длиться бесконечно, каждая сторона останется при своём мнении.

Есть много людей, которые считают первичным интерес коллектива. Этот манифест обращён не к ним, а к тем, кто считает первичным интерес индивида. Если вы с этим не согласны, то наверняка не согласитесь с тем, что изложено ниже. Не проблема: существует множество текстов, апеллирующих к вашей картине мира, но это не такой.

Мы, кто считает первичным интерес индивида, исходим из врождённой принадлежности индивиду всех прав на себя, на своё тело и свою жизнь, а также ответственности за своё поведение. Права человека индивидуальны, суверенитет индивидуален. Однако, согласно доминирующей в нашей среде политической теории выходит, что мы передали свой индивидуальный суверенитет государству как коллективному субъекту – так нас учит концепция общественного договора, разработанная в эпоху Просвещения.

Нам имеет смысл задуматься о традиционном взгляде на общественный договор.

Авторы этой модели 200 – 300 лет назад исходили из того, что каждый гражданин, осознавший законы социального мироздания, должен свободно уступить свой индивидуальный суверенитет обществу. Уже общество, «коллективный субъект», создаёт государство как практический инструмент управления. В теории общественного договора присутствует шизофреническое положение о том, что свободный субъект должен свободно, но при этом неизбежно передать свой индивидуальный суверенитет гражданскому коллективу. Общество, а затем государство становится коллективным сувереном от лица всех своих участников.

Вот что странно: свой суверенитет индивид должен передать обществу свободно, но выбора у него нет. Свобода заключается в том, чтобы осознать неизбежность и подчиниться ей. Если не осознал, значит, ты неполноценный, недостаточно просвещённый, тебя надо воспитывать, внушать тебе правильное понимание свободы.

Странная свобода. Странное Просвещение.

Давайте откажемся от шизофрении. Если я как свободный индивид, обладающий индивидуальным суверенитетом, передал свой суверенитет обществу (хотя никакого передаточного акта никто никогда не подписывал), то я могу его отозвать обратно. Я не хочу быть участником этого общества, я хочу быть участником другого и передать свой индивидуальный суверенитет ему. Или никому не передавать, оставшись независимым индивидом, не входящим ни в какое общество и не принадлежащим никакому государству. Это и есть свобода.

Казалось бы, такая возможность сегодня существует: гражданин может сменить гражданство (подданство), переехать из одной страны в другую. Вот тебе и перенос индивидуального суверенитета. Да? Не вполне. Во-первых, издержки перехода очень высоки. Смена страны, языка, смена социального окружения, наверняка смена работы: всё

это очень дорого стоит индивиду. А в новом государстве условия могут оказаться не лучше или даже хуже, чем в прежнем. Не узнаешь, пока не поживёшь. Что, опять переезжать и нести издержки? Во-вторых, все современные государства организованы по одному из двух базовых принципов управления: один авторитарный, где управляет вождь или небольшая закрытая группа, второй электорально-демократический, где управляют манипуляторы-популисты от лица «народа». Ни тот, ни другой не устраивает многих индивидов, ищущих свободы. В-третьих, политика ООН препятствует увеличению числа лиц без гражданства, поэтому, отказавшись от гражданства одной страны, вы обязаны стать гражданином другой. Остаться индивидом, свободным от всех государств, запрещено на межгосударственном уровне.

Выхода нет? Есть. XXI век предложил его. Давайте воспользуемся.

Сообщество свободных людей может быть виртуальным. 500 человек, живущие в 60 разных странах, могут быть очень близки по взглядам на правильную организацию общественного управления, на способ взаимодействия и механизмы принятия политических решений. Если они виртуально соберутся вместе и создадут маленькое, но глобальное сообщество, то им будет легко выбрать для себя правительство, ведь их взгляды на принципы общественной организации очень близки. Это небольшое правительство будет представлять своих 500 клиентов во взаимоотношениях с другими сообществами, включая все существующие сегодня территориальные государства. Оно будет собирать со своих клиентов налоги в согласованном ими размере для обеспечения своего функционирования и отчитываться за их использование. Собравшиеся в такое сообщество индивиды передадут свой индивидуальный суверенитет не абстрактно и пассивно, а конкретно и активно, подписав договор о вступлении в сообщество, находясь в здравом уме и твёрдой памяти. При этом вступление в такое сообщество потребует от индивида несравненно меньших издержек, чем смена гражданства одного территориального государства на гражданство другого. Не надо переезжать, учить новый язык, менять круг общения, работу, выполнять громоздкие и нелёгкие требования для вступления в новое гражданство. Да, при переходе в гражданство виртуального сообщества, возможно, поменяются юридические и финансовые условия взаимодействия с окружающими в физической среде, но основные бытовые

параметры жизни останутся теми же. Человек станет как будто бы иностранцем, экспатом на территории своего постоянного, привычного проживания.

Если качество работы такого правительства, условия или атмосфера внутри самого сообщества перестанет устраивать конкретного индивида, он сможет выйти из него (по установленной процедуре и выполнив свои обязательства перед ним). Если правительство окажется слишком плохим, а переизбрать его по внутреннему законодательству недовольные члены сообщества не смогут (например, из-за узурпации власти текущими управителями), оно может потерять всех клиентов, и ему не на что будет существовать.

Сложно представить себе физическое бегство всех граждан, недовольных своим авторитарным правительством, из юрисдикции территориальных государств – издержки слишком высоки. Кроме того, основную массу граждан территориальных государств составляет инертное большинство, которое скорее будет терпеть, чем что-то поменять в своей жизни. Но активные сторонники индивидуального суверенитета не такие. Мы уйдём. Тем более при таких низких издержках выхода!

Сегодня засилье территориальных форм политической организации держит в рабстве нас, активное меньшинство, которое могло бы и хотело бы освободиться от гнёта авторитарных вождей и безответственных популистов. Экстерриториальные суверенные юрисдикции XXI века – это та форма политической организации, что позволит разрубить многие узлы общественного развития, которые создают препятствия на пути прогресса в течение многих последних десятилетий.

«Такого никогда не было! Это не будет работать!» – с подобной реакцией на идею экстерриториального суверенитета приходится сталкиваться уже 15 лет.

– Ложь, незнание истории и современного мира. Такое было во все эпохи истории Человечества. Такое есть сейчас.

В Древнем мире иностранные наёмники, служившие всевластным правителям огромных государств, существовали в своей юрисдикции, не подчиняясь местным законам (но не нарушая местных традиций). Их командиры отвечали за членов своего отряда и могли судить их по своим внутренним правилам, находясь в договорных отношениях с патронном-властителем, безопасность которого обеспечивали.

В Средние века ремесленники, входившие в состав городских цехов, подчинялись своим собственным законам и правилам, их судили внутри цеха, но и отвечал за их поступки цех целиком. Клиенту, поймавшему ремесленника на жульничестве, следовало передать его цеху, а не в некий «городской суд общей юрисдикции».

Монахи и монастыри по всей Европе существовали в своей юрисдикции, подчиняясь епископам или напрямую папе, их не имели права судить феодалы и светские аристократы.

Сосуществование разных юрисдикций на одной территории сохранялось веками и не мешало людям взаимодействовать и договариваться без постоянных конфликтов.

«Появление абсолютной монархии во Франции XVII века» не означало превращения Людовика XIV в тирана, чья власть была ничем не ограничена. Термин «абсолютизм» означал иной процесс: устранение на территории Франции автономного суверенитета папского Рима, городских общин и ремесленных цехов в городах, суверенитета отдельных феодалов и аристократов. Отныне совместное существование разных юрисдикций на одной территории не допускалось. С властью короля ничьи более полномочия не могли стоять наравне. Именно появление абсолютных монархий стало одним из признаков эпохи суверенных территориальных государств, начало которой положил Вестфальский мир 1648 года.

С тех пор стало гораздо меньше примеров сосуществования разных юрисдикций на одной территории, хотя этот порядок не исчез полностью. Например, сегодня любые дипломаты, работая на территориях иных государств, находятся вне юрисдикции местных органов власти. Их можно выдворить, но нельзя наказать по местным законам.

И ещё один, воистину вопиющий пример, который не столь специфичен, как статус дипломатов. Сегодня, в эру территориальных государств, существует суверенное экстерриториальное «сообщество по интересам», которое большинством стран мира признано правоспособным, оно является наблюдателем при ООН, выдаёт паспорта и автомобильные номера своим участникам, при этом не имея ни клочка земли под своей властью, но владея недвижимым имуществом на территориях классических государств. Это Суверенный Военный Странноприимный Орден Святого Иоанна, Иерусалима, Родоса и Мальты – знаменитый Мальтийский орден.

Почему эти люди, несколько сот человек, собравшиеся в небольшое сообщество на основе общих религиозных убеждений и занимающиеся совместной деятельностью в сфере

благотворительности, имеют сегодня право на экстерриториальный суверенитет, а все остальные индивиды планеты – нет?

Давайте добьемся для себя такого же права!

Создавая суверенные сообщества, мы, самые активные и идейно заряженные граждане территориальных государств, выйдем из-под власти инертного большинства и их вождей-популистов. Невелика для них потеря – максимум 5% решатся на это. В рамках традиционных общественных отношений останутся пассивные и идейно неопределившиеся граждане, которые «я политикой не интересуюсь». Манипуляторы-популисты продолжат играть с ними в те же игры вокруг всеобщего безусловного избирательного права, которые устраивают и правителей, и безмолвные массы. Поступление налогов в бюджеты территориальных государств мало изменится. Исключение буйных выгодно всем сторонам.

У того будущего, которое широкими мазками представлено выше, много «подводных камней», но они устранимы. Ответы на большинство вопросов, возникших у читателя при знакомстве с этим манифестом, уже даны в книге «После государства», вышедшей 15 лет назад. Познакомьтесь с её обновлённой второй редакцией, где описаны конкретные структуры, механизмы и шаги, которые позволят всем нам очутиться в новом мире уже в 2030 году.

ВВЕДЕНИЕ

в котором коротко сказано, о чём эта книга

После выхода в свет в мае 2008 года книгу «После государства» прочитало несколько десятков политиков, экономистов, социологов, политических аналитиков, историков, политических психологов. Многие из них сочли содержание абсолютными фантазиями, но были и такие, кто признал вероятность перехода общества к описанному здесь устройству – но в очень отдалённом будущем. «Через сто лет, не раньше,» – так сказала сразу несколько человек. И был только один оптимист (к сожалению, не помню, кто именно), который счёл перспективы более радужными: «Да, возможно. Лет через пятьдесят».

Прошло всего полтора десятилетия, и будущее уже здесь. Многочисленные элементы описанных в книге общественных отношений обнаруживаются вокруг нас.

Мало кто из современных людей в развитых и развивающихся странах представляет себе жизнь без использования мгновенных электронных коммуникаций, позволяющих за секунды связаться с любым знакомым человеком почти в любой точке света, причём не с помощью значков электронного письма, а увидев его глаза в глаза и ведя диалог в реальном времени. Огромная часть нашей жизни переместилась в виртуальную реальность, где мы не только общаемся, но и учимся, работаем, покупаем, развлекаемся. Даже взаимодействие с государственными органами драматическим образом облегчилось, будучи в изрядной мере перенесено внутрь наших компьютеров и мобильных устройств.

С другой стороны, кризис привычного политического устройства отдельных стран и мира в целом налицо. Его признаки были перечислены в развёрнутом Предисловии первого издания, хотя мало кто ожидал в мае 2008 года тех испытаний, что начались уже через несколько месяцев и почти без перерыва продолжались все полтора десятилетия. Сегодня происходят события, возможность которых 15 лет назад было не представить.

- В США в Белый дом надеется снова въехать экстравагантный миллиардер, успевший побыть президентом, чьи сторонники на излёте его полномочий натурально брали штурмом федеральный Капитолий.
- В Европе идёт полномасштабная война, в ходе которой гибнут десятки тысяч человек, в том числе мирных жителей.

- Обезумевший диктатор угрожает миру применением ядерного оружия и позволяет моральным уродам в составе своих войск возродить самые ужасные практики садистов прошлых эпох.
- Его агрессию не предотвратили предостережения со стороны сильнейших стран мира. Её не в силах остановить ни ООН, ни сами ведущие мировые «демократии», которые давали гарантии безопасности стране, пострадавшей от вероломства.
- Замороженные на Западе финансовые средства страны-агрессора не могут конфисковать согласно актуальным правовым нормам. В разных передовых центрах мира звучат голоса о принципиальной невозможности победить эту страну, соблюдая действующие в современном мире принципы международных отношений.
- Политики уже не первое десятилетие в растерянности: как сочетать право наций на самоопределение и суверенитет государств в пределах границ, признанных международным сообществом?
- Всё больше экспертов отмечает, что территориальное устройство политической власти в мире, ставшее нормой после 1648 года, перестало нормально работать.

Появление суверенных экстерриториальных юрисдикций, куда уйдёт небольшая доля самых активных граждан разных стран, не решит всех проблем, но создаст отличные возможности, чтобы распутать множество тугих узлов современных общественных отношений. О таком будущем книга «После государства – 2.030». Уверен, что многие из её читателей окажутся уже к 2030 году клиентами экстерриториальных правительств и будут с трудом понимать, как могли раньше оставаться гражданами и подданными неповоротливых территориальных государств.

Второе издание книги существенно переработано, хотя в нём сохранились неизменными многие параграфы (они набраны другим шрифтом). Исключено длинное Предисловие, в котором описывались признаки кризиса традиционно понимаемой «демократии»: сегодня большинству политически грамотных людей уже ясно, что эффективные политические режимы устроены несколько более сложно, чем электоральная

демократия «из учебника», и их не нужно убеждать в необходимости пересмотра распространённых представлений.

До неузнаваемости переработана и сокращена Первая глава, где описываются теоретические предпосылки создания экстерриториальных юрисдикций. При этом она разделена на три части и раскидана по всей книге. А вот во Второй главе изменений немного, и именно она содержит те параграфы, что не потребовали никаких корректив, несмотря на прошедшие годы. Третья глава существенно переделана, так как в ней описан план перехода от сегодняшней системы к будущей. За 15 лет начальные, актуальные условия изменились, чем и вызваны изменения.

Те, кому интересно сравнить, могут скачать первое издание книги по ссылкам:
<https://libertarium.ru/41501.html>

или

https://drive.google.com/file/d/1jU6EFgNO3SewkLOXjDhM0KXv44_Vfsng/

Дополнительная информация и контакты: aleksei.online/ или alexei.online/

Добро пожаловать в мир ближайшего будущего!

ГЛАВА 1, теоретическая (1 часть),
из которой можно понять, на каком идейном фундаменте
будет стоять создаваемое общественное здание

В первой редакции книги «После государства» теоретическая глава была призвана объяснить, почему создание экстерриториальных суверенных юрисдикций является частью естественного хода вещей внутри человеческой цивилизации, новым этапом её развития. Витиеватая логическая линия, которую я представил на суд читателя, была излишней. Оказалось, что я изобретал велосипед, так как идейный фундамент уже был создан и предложен публике за 150 лет до меня. Бельгийский ботаник и экономист Поль Эмиль де Пюид в 1860 году напечатал в июльском номере журнала «Квартальный обзор» («Revue Trimestrielle») небольшую статью под названием «Панархия». В ней автор обосновал пользу от предоставления людям возможности распоряжаться своим индивидуальным суверенитетом и выходить из юрисдикции территориальных государств, гражданами или подданными которых они являются. Важно то, что такой выход из-под власти правительства этого государства не должен обязательно сопровождаться переездом в другую страну, более того, именно возможность физически остаться там, где ты живёшь, сменив лишь свой юридический статус, является главным достоинством той политической конструкции, которую де Пюид назвал «панархия».

К настоящему моменту предельно чёткая и доступная пониманию идея бельгийца дополнена большим количеством текстов, развивающих эту идею.¹ Её сторонники разрабатывали различные аспекты устройства жизни в обществе, устроенном на основе принципов панархии, а также адаптировали её к условиям изменявшегося за полтора века мира. Чего не было в эпоху де Пюида, так это мгновенных электронных коммуникаций с использованием широкополосных каналов связи. Именно они в начале XXI века позволяют реализовать его идею, и я покажу это в следующих главах.

¹ С текстом де Пюида и его последователей на английском и других европейских языках можно ознакомиться, если зайти на портал <http://panarchy.org/>

Текст статьи «Панархия» на русском языке доступен по ссылке: <https://ancapchan.info/panarchy/>

Однако надо понимать, что бельгиец лишь обрисовал предпосылки для формирования новой организации общества, не предложив практических форм реализации этой идеи. Его последователи были озадачены, прежде всего, распространением своих идей и философского подхода; просвещением, но не конкретными социальными технологиями, которые позволили бы сегодняшнему человечеству оказаться в том прекрасном будущем, что они обещают.

Обладая опытом политической организации и административной деятельности, в книге «После государства» в 2008 году я описал именно практическую организацию общества, устроенного на основе принципов индивидуального суверенитета и экстерриториальных юрисдикций. За прошедшие годы предложенная 15 лет назад конструкция, пройдя через испытания едкой критикой, была доработана и теперь предлагается читателю в актуальном для сегодняшнего мира виде.

Дабы не оперировать абстрактными рассуждениями, в нынешней редакции я перенёс основное содержание теоретической части в конец книги, а здесь сразу перейду ко второй главе, практической. В ней описана идеально устроенная и достигшая совершенства ПАНАРХИЯ. Идеальный итог – это не то, что мы можем увидеть скоро, а результат многолетнего преобразования сегодняшнего мира в более совершенный мир будущего.

Следом за этим я вернусь к тому, с чего стоит начать уже сейчас, какие задачи решать в первые же месяцы и годы. С какими проблемами предстоит столкнуться, как их преодолевать? В третьей главе обрисован практически реализуемый путь от сегодняшнего мира с его неповоротливыми территориальными государственными формами к лучшему устройству на основе принципов свободы.

Наконец, из путешествия в будущее, далёкое и более близкое, я вернусь к теории. Те, у кого останутся сомнения в необходимости создавать суверенные сообщества на основе идей панархии, смогут ознакомиться с аргументами, которые проясняют, почему вообще необходимо легализовать и институционализировать индивидуальный суверенитет. Что не устраивает в «демократии»? В чём её коренные, сущностные недостатки? Как их может устранить появление множества правительств, действующих в интересах людей, живущих на одной территории? Этому посвящено окончание первой главы, перенесённое в конец книги.

Итак, для начала отправимся на несколько десятилетий вперёд.

ГЛАВА 2, практическая,
в которой описано устройство идеального мира,
предмета мечтаний панархистов, анархо-капиталистов
и некоторых других умных фантазёров

Давайте проявим оригинальность и пофантазируем на тему существования нескольких правительств в пределах одной суверенной территории.

Используем в рассматриваемой модели некую страну, в которой проживает 10 миллионов дееспособных индивидов. Среди них есть лидеры. Лидеров трое, и каждый имеет свою программу того, как построить отношения в обществе, какими вопросами должно заниматься правительство, а какие решения каждый может принимать сам. Предположим, 6 миллионам симпатична программа лидера Q, еще 3 миллионам – программа лидера R, а 1 миллиону – лидера S.

Если у них действует традиционная демократия большинства, то проходят выборы. Допустим, они организованы честно, а явка отражает базовое соотношение сил. В этом случае всем придется жить по программе лидера Q. При желании он учтёт что-то из запросов оставшихся в меньшинстве граждан. Не захочет – не учтёт, не нарушив при этом демократических законов, а лишь заработав репутацию авторитарного лидера. Успешно используя информационные технологии и административный ресурс, он, вероятно, даже не потеряет власть на очередных выборах.

Попробуем пойти иным путем, который изобретаем в порыве фантазии. Предположим, что граждане, нарушая все традиции государственного строительства, считают возможным создать не одно, а несколько правительств. Они объединяются вокруг своих лидеров. Формируются 3 правительства во главе с лидерами Q, R и S. Каждое из правительств получает от граждан, выбравших программу соответствующего лидера, право регламентировать их жизнь и следить за выполнением установленных правил. Но у каждого человека есть выбор, на какую программу «подписаться», какому правительству платить налоги и что за эти налоги получать. О взаимоотношениях между собой правительства договариваются.

Если конкретное правительство не будет соответствовать ожиданиям и надеждам «подписавшихся» на его программу граждан, то они в некий условный «Юрьев день» смогут расторгнуть договор с этим правительством и перейти под юрисдикцию другого. В результате через пару лет может оказаться, что с лидером Q осталось 2 миллиона

человек, у правительства R стало 5 миллионов, а у правительства S – 3 миллиона. Обратите внимание: если программа какого-то из лидеров перестала быть популярной (выбираемой большинством), то сохранившие веру в неё граждане не будут лишены (большинством, сформированным вокруг другой программы) возможности жить по-старому.

Очевидно, что в данном случае исключается абсолютная (пожизненная) монополия правительства на применение силы, свойственная всем сегодняшним политическим системам, но остается право применять к своему гражданину принуждение в период действия соглашения с ним.

Уверен, что у Вас, уважаемый читатель, уже возникла дюжина вопросов и возражений по этому принципу организации власти. Вы готовы указать на проблемы, которые возникнут при её реализации, и непреодолимые препятствия, делающие её невозможной в принципе. Прошу Вашего терпения. Работа над этой моделью в течение долгого времени позволила подготовить ответы на множество возражений и вопросов, и они будут изложены ниже.

Давайте более детально рассмотрим систему политической власти, в основе которой лежит принцип множественности конкурирующих между собой правительств на территории одной страны.

Система правительственного многообразия

Итак, начнём с того, что вся описываемая сеть взаимоотношений должна существовать в пределах одной страны, обладающей суверенитетом для внешнего по отношению к ней мира. Все люди, являющиеся гражданами этой страны, обладают равными «естественными» правами, прежде всего, правом на применение к себе насилия.

В стране есть некоторое количество правительств, причём это количество никак специально не ограничено. Тем не менее, оно не будет слишком велико, ибо сложность полноценного выполнения функций правительства естественным образом препятствует существованию большого количества небольших и слабых по возможностям управленческих единиц.

Каждый гражданин свободно выбирает из предлагаемых разными правительствами «пакетов условий и услуг», после чего «подписывается» на один из них (или не подписывается ни на один, об этом будет сказано отдельно). Это происходит путём заключения реального договора на бумаге между правительством и гражданином. В договоре подробно прописаны все обязательства, которые берут на себя стороны. Также

в договоре присутствуют ссылки на все созданные этим правительством законы, регулирующие поведение граждан, вступивших под его юрисдикцию.

Любое правительство имеет право свободно контролировать подписание договора своими конкурентами (например, направляя наблюдателей). Возьмём в качестве примера одно из правительств, программа которого является отчётливо либеральной и предполагает потерю предпринимателем-неудачником всего имущества, включая жильё, личную собственность и даже допускающую принудительные работы для возмещения долгов кредиторам. Подписать договор с таким правительством сможет любой гражданин. Но по существующим правилам при его подписании сможет присутствовать представитель другого правительства, чья программа, к примеру, является отчётливо социалистической (патерналистской). Этот представитель сможет задать гражданину, желающему вступить под юрисдикцию либерального правительства, любые вопросы и сообщить ему любую информацию, чтобы проверить понимание им ответственности, которую тот на себя берёт.

Естественно, у либерального правительства в «пакете» будет много свободы и низкие налоги. Это может привлекать наивных граждан, имеющих неизбывную тягу нести свои кровно заработанные деньги в разные финансовые пирамиды. Либералы не скрывают, что низкие налоги имеют в качестве оборотной стороны низкую социальную защищённость и высокую ответственность за принятые решения, и что их правительство не будет компенсировать обманутым вкладчикам украденные мошенниками деньги (хотя и постарается поймать жуликов и вернуть то, что найдётся). Но либералы, конечно, не будут подробно разъяснять это каждому пришедшему к ним.

За них это сделают наблюдатели от социалистического правительства, которых либералы обязаны допускать на подписание каждого договора. Желая переманить этого гражданина к себе, они опишут все опасности, которые подстерегают неподготовленного человека на просторах либеральных взаимоотношений.

В свою очередь, наблюдатель от либералов, присутствующий при подписании договоров социалистическим (патерналистским) правительством, постарается найти среди рассчитывающих на высокий уровень защищённости граждан тех, кто обладает достаточным уровнем ответственности, чтобы предпочесть свободу высокому уровню опеки. Он будет задавать свои вопросы и, вероятно, сможет кого-то привлечь под юрисдикцию своего правительства.

Такие «выборы», очевидно, предоставляют принципиально иной уровень свободы и обеспечивают настоящую справедливость в сравнении с выборами в демократии большинства. Последняя не учитывает индивидуальных различий и заставляет всех жить по правилам большинства. Ведь если один великолепно чувствует себя в системе с

широкой независимостью и высокой ответственностью, а другой предпочитает социальную защищённость и готов к высоким налогам, то либо один, либо другой обязательно будет притеснён в своей самореализации.

Взаимоотношения правительств

Пропуская пока многочисленные детали, касающиеся организации политического процесса в системе правительственного многообразия, перейдём к важнейшему вопросу, возникающему в такой системе: как будут построены отношения между этими правительствами?

Прежде всего, укажу на существующий и эффективно работающий образец мирного взаимодействия разных правительств – международные отношения. Несмотря на то, что каждое суверенное государство имеет свою территорию, постоянно возникает масса пересекающихся вопросов, которые требуют урегулирования. В мире существует больше 200 стран, но почти все правительства находят мирные пути решения конфликтов интересов, возникающих при взаимодействии своих граждан. Военные действия ведут между собой лишь несколько из двух сотен государств. Почему? Потому что как правительства, так и простые граждане заинтересованы в мире, то есть безопасности, и не заинтересованы в войне, то есть угрозе потери жизни и имущества. В этом потенциал договорённости, и он позволит правительствам, созданным в пределах одной страны, избежать силового решения конфликтов в подавляющем большинстве случаев. От своих клиентов-избирателей они получают именно такой мандат, а если не будут ему следовать, то в условиях свободы выбора правительства очень быстро потеряют всех своих налогоплательщиков, которые уйдут под юрисдикцию более договороспособных правительств.

Когда граждане, подчиняющиеся разным правительствам, живут не в разных странах, а в одной, количество потенциально спорных ситуаций возрастает во много раз. Несомненно, до начала функционирования системы правительственного многообразия должен быть создан масштабный пакет межправительственных соглашений, в которых будут описаны все регулярно возникающие случаи взаимодействия граждан, являющихся клиентами разных правительств. Это ситуации от покупки продуктов в супермаркете до уличного ограбления, от обучения в учебном заведении до получения пенсии гражданином, который долгие годы работал под юрисдикцией одного правительства, а по завершении трудовой деятельности перешёл под юрисдикцию другого. Фактически, ни одно новое правительство не имеет права начать подписывать договоры с гражданами,

пока не обзаведётся пакетом соглашений с уже существующими правительствами, гарантирующих его «клиентам» обеспечение тех «услуг», которые оно обещает.

Те ситуации, которые не являются стандартными, или по которым возникают споры, должны разрешаться в суде, независимом от обоих правительств. Причём выбрать и указать в своём соглашении суд, которому оба правительства доверяют решать споры между своими гражданами, они должны также заранее, до возникновения спорных ситуаций, и начать платить этому суду некую абонентскую плату за возможное обслуживание в дальнейшем.

Вопросы внутренней безопасности – полицейские функции

Важнейший и на первый взгляд неразрешимый вопрос при отказе от монополии на применение силы – как обеспечивать общественную безопасность?

Ответ на него, безусловно, должен следовать главному принципу, сочетающему свободу выбирать с договорным порядком. Каждое правительство создаёт свою полицию. Если гражданин нарушит принятые им на себя обязательства следовать правилам общественной жизни, установленным этим правительством, то полиция ограничит свободу гражданина от имени правительства и на основании права применять к себе силу, переданного гражданином по договору. (Также возможно существование частных полицейских компаний, которые будут обслуживать сразу несколько правительств. В этом случае их законодательство в области общественной безопасности должно быть максимально синхронизировано.)

А что делать, если в момент совершения правонарушения ближе к нарушителю будут полицейские не того правительства, с которым подписан договор у нарушителя, а другого? Имеют ли они право задержать его, особенно если нарушение осуществляется в отношении клиента их правительства? Конечно, и основанием для этого будет межправительственное соглашение, касающееся таких случаев. В нем определено, что при совершении правонарушения полицейские любого правительства, вошедшего в Большое Соглашение о Безопасности, имеют право задержать любого подозреваемого в совершении правонарушения. Установив, под чьей юрисдикцией находится задержанный, они немедленно сообщают об этом «его» полиции, вызывают её представителей и передают подозреваемого ей.

Конфликт законодательств

Естественным образом возникает вопрос – а что если какое-то правительство не будет запрещать в своём законодательстве некоторые действия, которые у других под

запретом? Полиция правительства Q задержит клиента правительства R за грабёж, и передаст его в руки полиции R. Правительство R не считает грабёж преступлением, и в его уголовном кодексе отсутствует соответствующее наказание. Значит, «своя» полиция его тут же освободит. И где справедливость?

Справедливость никуда не денется, так как с правительством, которое не наказывает за преступления против личности и собственности, никто не захочет устанавливать договорные отношения. Это правительство окажется в изоляции вместе со своими клиентами, а таковыми вряд ли многие захотят быть. Подавляющему большинству людей не нужно право применять насилие к другим. В обмен на защиту от применения насилия по отношению к себе и на возможность мирно взаимодействовать с другими они легко согласятся с законами, запрещающими произвольное насилие.

Другое дело преступления экономического толка. К примеру, одно правительство (Q) может установить наказание за организацию азартных игр, а другое (S) – нет. Договорятся ли такие правительства, сохранив каждое для своих граждан соответствующую возможность? Вполне вероятно. Потребуется оговорить ряд процедур в межправительственном соглашении.

Так, если клиент правительства S открывает игорный дом, то он будет обязан на основании межправительственного соглашения проверять клиентскую принадлежность каждого посетителя. Клиентов правительства Q он обязан не допускать к играм, иначе его собственное правительство его накажет.

То же с риском в предпринимательстве. Правительство Q может определить в своём законе, что его клиенты не имеют права подписывать каких-либо обязательств без визы правительственного юриста, и оговорить это в соглашениях со всеми остальными правительствами. Те, в свою очередь, обяжут своих клиентов проверять правительственную принадлежность потенциальных партнёров. Договоры, подписанные с гражданами Q без одобрения их правительства, будут всеми судами признаваться ничтожными.

Так граждане, испытывающие потребность в высоком уровне правительственного патернализма, будут окружены заботой и подстрахованы, а склонные к свободе – минимально ограничены в выборе и нагружены пропорциональной ответственностью.

Почему не будут войны правительств?

Ещё раз вернусь к этому важнейшему вопросу. Как было сказано выше, международные отношения последних десятилетий дают неплохой эмпирический аргумент в пользу того, что конкуренция правительств не приведет к силовой борьбе.

Действительно, в былые века двусторонних вооружённых конфликтов было больше, а в последние десятилетия их число существенно сократилось. Многие связывают это с ростом доли среднего класса, стабилизирующего общество. Отчасти причиной охлаждения конфликтов можно считать конец эпохи идеологической борьбы и информационной изоляции сообществ. Возможно, концепция сильного государства, монополизировавшего право на насилие, победила именно из-за активно воевавших между собой в эпоху перехода к капитализму правящих элит, да из-за отсутствия диалога сословий.

В XVII – XIX веках конкуренция суверенных правительств в Европе вела к страданиям населения. Междоусобные войны препятствовали улучшению условий жизни, росту благосостояния. Позволю себе предположить, что управляемый и аккуратный переход к системе правительственного многообразия (об этом в главе 3), опирающийся на менталитет современных людей и современные знания о человеческой психологии, позволит установить систему динамического равновесия общественной системы.

Говоря о психологических основах для такого прогноза, надо упомянуть не вызывающее сегодня сомнений положение, сформулированное в науке о душе. Оно состоит в том, что потребность человека в безопасности является одной из первичных, базовых. Все хотят безопасности. В число «всех» традиционно входит подавляющее большинство популяции – от 80 до 90%. Если это большинство имеет реальные рычаги влияния на действия своих правительств, в частности, угрозу выйти из-под их юрисдикции, то правительства будут прилагать все усилия, чтобы договориться мирно. А потенциальная возможность отказаться сотрудничать со слишком наглым и неуступчивым в переговорах правительством и оказаться с ним и его клиентами в состоянии реального конфликта будет движущей силой договорного процесса.

Судьба делинквентных личностей

Что можно сказать о тех 10 – 20% людей, чьё стремление к риску, к славе и к нарушению социальных норм выше стремления к безопасности? Сюда относятся и хорошо известные ныне благодаря теории Л.Н. Гумилёва пассионарии, и сознательные преступники-рецидивисты. В эту же группу попадают люди, высоко ценящие безопасность, но неспособные к адекватной оценке обстоятельств. Они надеются, что у них получится нарушить законы и избежать ответственности, но их быстро учит жизнь, отправляя в исправительные учреждения. Правда, на их место вскоре приходят другие такие же. Так или иначе, но принципы взаимодействия с указанным меньшинством тоже должны быть определены.

Обратим внимание на то, что сегодня отношения государственной власти, действующей от имени большинства населения, с делинквентными (преступными) лицами являются несимметричными. Большинство граждан исходят из того, что преступники обязаны соблюдать законы, установленные электоральным большинством и его правительством. Кроме того, власти считают, что сами обязаны действовать по отношению к преступникам в рамках ими же установленных процедур. Преступники, которые этих законов не принимали, считают себя свободными от установленных не по их воле ограничений, и легко их нарушают. В обществах, где власть не пользуется доверием и позволяет себе действовать несправедливо (с точки зрения значительной части населения), преступники имеют даже шанс приобрести славу Робин Гудов, защищающих слабых от сильных.

Таким образом, одна сторона устанавливает правила и для себя, и для другой стороны, а другая считает себя вправе действовать вне всяких правил. В этом асимметрия.

А теперь ненадолго вернёмся к теории и рассмотрим важнейший вопрос, касающийся основ для внедрения системы правительственного многообразия. Он позволит установить симметричный и справедливый принцип отношения к тем людям, которые не хотят жить в мире с остальными.

Глава 1, теоретическая (2 часть), где изложено толкование свободы,
с которым легко соглашаются сторонники индивидуализма
и которого не понимают коллективисты

О происхождении наших прав

Интересно, что как религиозные, так и атеистические концепции, описывающие человека и общество, могут в этом вопросе быть приведены к единому знаменателю. Все они признают, что есть материальное тело человека и некая нематериальная составляющая его сущности. Последняя в религиях названа душой, а в атеистических концепциях может называться психикой, рефлексам, сознанием, программой, информационным наполнением телесной оболочки и чем угодно еще. В любом случае, не вызывает сомнения существование состоящего из химических соединений тела, которое не живет само по себе, и чего-то еще, что, будучи ассоциировано с телом, превращает композицию органов в активного человека.

Ответственная, мыслящая, сознательная личность человека считается частью этого психически-духовного компонента, который отличен от физического тела. При достаточно широком обобщении можно сказать, что все концепции человека и общества считают, что такое психически-духовное «я» получило в управление тело, за судьбу которого отвечает. Религии говорят, что человек получил тело от Бога, и он отвечает перед Богом за совершаемые этим телом действия. За них придется нести ответственность на Его Суде.

Атеистические концепции отмечают самостоятельность Человека, но подтверждают его ответственность перед самим собой и перед природой за тело, которое ему этой самой природой дано. Ведет человек себя ответственно, бережет здоровье, не рискует без нужды, не имеет вредных привычек, тренирует тело – его жизнь становится приятнее и легче. Если он злоупотребляет вредными воздействиями на свое тело, не заботится о его нуждах – получает в ответ болезни и страдания, которые тяжело переносятся его духом, психикой. В любом случае присутствует понятие ответственности за «судьбу тела» и право принимать за него решения, безусловно им управлять.

Исходя из сказанного, мы можем заключить, что и религиозные, и атеистические концепции делегируют человеческому «я» право на его тело и ответственность за решения, принятые на основании этого права. То есть первым и базовым, аксиоматическим правом любого человека является его право на собственное тело.

Границы свободы

На основании принципа суверенитета любого человека в отношении своего тела появляется возможность наконец-то строго определить границы свободы. Чётко, недвусмысленно и, главное, функционально в современных общественно-политических системах они не установлены.

Широко употребляемое ныне описание границ свободы звучит так: «моя свобода ограничена только твоей свободой». Или «свобода одного человека заканчивается у кончика носа другого человека». Но такое определение не функционально, так как из него не понятно, где именно граница свободы моего визави, чтобы мне остановиться перед ней. Что означает «у кончика носа»? Могу ли я делать всё, что заблагорассудится, в 10 сантиметрах от твоего реального носа? И не будет ли «твой нос» столь длинным, что для обеспечения «твоей свободы» ты захочешь залезть в мою частную жизнь? При современном обсуждении свободы происходит уход в субъективизм и традиции, и это у многих вызывает ощущение несправедливости.

Если задать вопрос о «кончике носа» первому встречному, то любой ответит примерно одно и то же, независимо от того, является он простым обывателем или специалистом в области общественных наук: «Неужели не понятно? Надо вести себя так, чтобы не мешать человеку. Здравому смысла у вас нет, что ли? Как хочешь, чтобы поступали по отношению к тебе, так поступай по отношению к другим!»

Нет, мне не понятно. Есть две проблемы.

Во-первых, оценки с точки зрения здравого смысла у разных людей различаются. Пока вы не начнёте проводить эмпирическое исследование, причём не только среди своих знакомых, с которыми у вас нормы «здравого смысла» весьма близкие, а во всей популяции, вы не поймёте, насколько различается «здоровый смысл» у разных людей. Я этим занимался в связи со своей профессиональной деятельностью, поэтому знаю об этой проблеме. Выясняется, что границы свободы, установленные на основе «здравого смысла», будут существенно отличаться у разных людей, и это повод для конфликта. Причём каждая из сторон будет считать, что противоположная специально ведёт себя агрессивно, нарушая «здравомыслие», и не будет догадываться, что визави точно так же считает его самого немотивированно агрессивным. Культурные нормы (индивидуальные, групповые) различаются, потому и поведение разное.

Во-вторых, не всегда правило зеркальности (веди себя с другим так, как хочешь, чтобы он себя вёл с тобой) даст хороший результат. Вам никогда не встречались люди, которые во время разговора очень сильно приближаются к вам и ведут диалог с расстояния

буквально в 30-40 сантиметров? Лично меня это раздражает, мне нужно хотя бы вдвое большее расстояние для комфортного личного общения. Но для них (раз они так делают) столь малое расстояние вполне удобно! И они, конечно же, поступают со мной так, как хотели бы, чтобы я поступал с ними. Но меня это категорически не устраивает! Причина снова в том, что понятие нормы очень индивидуально, как бы нам не казалось, что жизнь проста: «всем же понятно, что вы усложняете?!»

А теперь давайте представим себе ОБЩЕСТВО, В КОТОРОМ ДЕЙСТВУЕТ парадоксальное и на первый взгляд чудовищное ПРАВИЛО: изначально, «по умолчанию» СВОБОДУ ЛЮБОГО ЧЕЛОВЕКА НИКТО НЕ ОГРАНИЧИВАЕТ. Каждый имеет право делать всё, что угодно. Что будет означать и к чему приведёт принятие такого принципа?

Если встретятся двое, каждый из которых не ограничен в своей свободе, и если у них существует пересекающийся интерес (например, оба претендуют на какое-то спорное имущество), то вероятно физическое столкновение между ними (стычка, драка, война). В ходе этого столкновения тот, кто окажется сильнее, получит искомое, при этом, вероятно, нанеся ущерб противнику. Не исключено, что и противник нанесёт какой-то ущерб, травмы победителю. Таким образом, ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ, КОТОРОГО НЕ УСТАНАВЛИВАЕТ ОБЩЕСТВО, БУДЕТ УСТАНОВЛЕНО ЕСТЕСТВЕННЫМ ОБРАЗОМ, природой и обстоятельствами через действия другого абсолютно свободного человека. Тот, кто сильнее, ограничивает свободу обладать имуществом того, кто слабее. В то же время, более сильный также не абсолютно свободен. Он бы предпочёл выйти из стычки без ущерба, без ран и страданий, но его побеждённый визави в ходе боя ограничил его свободу на это. Значит, ОБЕ СТОРОНЫ ОКАЗАЛИСЬ ОГРАНИЧЕНЫ В СВОЕЙ СВОБОДЕ. Более того, КАЖДАЯ СТОРОНА НИКАК НЕ МОГЛА ПОВЛИЯТЬ НА ТО, В КАКОМ ИМЕННО ЭЛЕМЕНТЕ СВОЕЙ СВОБОДЫ ОНА ОКАЗАЛАСЬ ОГРАНИЧЕНА.

Предположим, что для формального победителя, получившего спорное имущество, более ценным было бы сохранить здоровье, чем ту собственность, что в результате ему досталась. А проигравший вполне готов был бы сохранить себе лишь треть того, что он потерял полностью. Возможно, он бы добровольно отдал две трети. Но нет, в результате конфликта обе стороны потеряли то, что для них ценно.

Именно на этой почве среди представителей биологического вида *homo sapiens* (в отличие от всех остальных биологических видов) возникла традиция договариваться. ДОГОВОР ПОЗВОЛЯЕТ в спорной ситуации на основе оценки перспектив столкновения каждой из сторон СВОБОДНО ВЫБИРАТЬ, что сохранить, а чем пожертвовать. Границы свободы, установленные по договору, гораздо точнее; они понятны обеим сторонам, в

отличие от границ свободы, определяемых на основе очень субъективного «здорового смысла».

Но для того, чтобы иметь возможность чем-то жертвовать, человек должен этим чем-то обладать. Потому так важно определять права собственности, причём не только право на своё тело. Ненадолго отвлечёмся от вопроса о свободе и для полноты картины рассмотрим их.

Аксиоматические основания прав собственности

Если человек берет никому не принадлежащую собственность (палку) и начинает рыхлить ею никому не принадлежащую землю, кидая туда найденные им никому не принадлежащие семена, заботится о посеве и собирает урожай, используя при этом силу принадлежащих ему тела и разума, то логично согласиться, что произведенное таким образом также должно принадлежать ему. Если следующей весной он посеет собранные осенью и принадлежащие ему семена, то всходы от этих семян – тоже его. Таким образом, человек имеет право на то, что он произвел с использованием собственного тела, ничьей собственности и принадлежащей ему собственности.

Когда человек встречается другого человека, у которого есть нечто, чего нет у него, а у первого есть нечто, чего нет у второго, и оба хотят получить отсутствующее у них, они имеют право добровольно обменяться. Если обмен был действительно добровольным и осуществленным без обмана, то приобретенное таким образом также становится собственностью человека.

Кроме того, человек может договориться с другими людьми о совместной деятельности с использованием принадлежащей каждому собственности. Для них крайне важно до начала деятельности согласовать, по какой процедуре будут распределяться между ними результаты их деятельности (прибыли и убытки). Если они не договорятся «на берегу», их наверняка ждут проблемы. Кто-нибудь почувствует себя несправедливо обделенным. Однако в 100% случаев это связано с тем, что соглашением не было предусмотрено то развитие событий, которое случилось, а разные участники считают правильными разные решения в этой ситуации. Возможно, они бы не начали совместное дело, если бы обнаружили разногласия раньше. А так постфактум появляется ощущение несправедливости, которое у разных людей связано с разным.

Итак, можно обобщить, что человек имеет право на:

- 1) собственное тело,

2) то, что он произвел с использованием собственного тела, ничьей собственности и принадлежащей ему собственности,

3) то, что он приобрел в результате добровольного честного обмена,

4) то, что он получил в результате совместной деятельности с другими людьми на основании заключенного с ними и выполненного всеми сторонами соглашения.

Такое понимание прав собственности с небольшими вариациями является общепринятым в концепциях, исходящих из равенства людей от рождения и принципов индивидуализма.

Границы свободы – 2

Как мы увидели, даже теоретически **ДОБИТЬСЯ ПОЛНОЙ СВОБОДЫ НЕ ПОЗВОЛЯЕТ ПРИРОДА НАШЕГО МИРА** – любого человека ограничивает стихийная активность иных людей, на которую он не влияет, и весь комплекс обстоятельств, относящийся к естественным факторам любого рода. Но если человек начинает договариваться с окружающими, то у него появляется **НОВАЯ СВОБОДА**, а именно свобода решить, что из принадлежащего ему он готов отдать, дабы получить что-то отсутствующее у него, будь то материальные предметы, услуги или личная безопасность. Он **РАСШИРЯЕТ ГРАНИЦЫ СВОЕЙ СВОБОДЫ** (которые раньше определялись естественным образом) **В ТОМ НАПРАВЛЕНИИ, КОТОРОЕ ИМЕННО ДЛЯ НЕГО ЯВЛЯЕТСЯ НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫМ, И СУЖАЕТ СВОЮ СВОБОДУ В ТЕХ ВОПРОСАХ, КОТОРЫЕ ДЛЯ НЕГО ЯВЛЯЮТСЯ НЕ ТАКИМИ СУЩЕСТВЕННЫМИ.**

К примеру, можно отдать право пользования своей землёй, чтобы получить часть собранного с неё зерна. Можно отдать выкованные своими руками металлические изделия и получить бессмысленные в принципе бумажки, которые называют деньгами. Фокус бумажек в том, что очень многие люди договорились (опять же!) считать их эквивалентом товаров и услуг и готовы на основе этого договора менять на них реальные блага (которые нужны кузнецу, но которых он сам не производит).

Наконец, и это уже относится к политике, человек может отдать право применения силы к себе, то есть право наносить ущерб своему телу при установленных обстоятельствах. Это право следует рассмотреть особо.

Право на насилие

Что оно из себя представляет? Конечно, угрозу нанести ущерб телу. Любое силовое воздействие, будь то удар дубинкой полицейского или приведение в исполнение смертного приговора, вынесенного судом, – это ущерб телу. Такой же, как курение табака

или злоупотребление спиртным (который люди наносят себе сами). Если мы считаем, что сам человек является первым, главным и единственным ответственным (перед Богом, природой, самим собой) за тело, то изначально (в «естественном состоянии», как это называли известные философы) право на применение к себе силы имеет только он сам.

Именно это право и делегирует человек государству, создаваемому им вместе со всеми остальными людьми, в ходе «подписания общественного договора», о котором говорили философы эпохи Просвещения. А дальше, если человек нарушает принятые таким государством правила (законы), то последнее использует право нанести ущерб телу, переданное данным человеком. В зависимости от характера нарушения это может быть и дубинка, и электрический стул. Государство решает, за какие нарушения что полагается, доводит эту информацию до людей, а те вынуждены подчиняться, ведь право причинить ущерб их телу они уже отдали. Влиять на решения государства они могут, только периодически выбирая своих представителей в органы власти (если у них «демократия»), и, если повезло – то еще через инструменты гражданского общества (в «развитых демократиях»).

Заметим также, что в рамках «общественного договора» государству передано право заботиться о «справедливости» в обществе путём отъёма имущества, принадлежащего людям. Государство собирает со своих граждан налоги и тратит их, в частности, на цели «обеспечения справедливости». Если кто-то из заключивших «общественный договор» считает траты государства необоснованными, ему предлагают участвовать в выборах представителей в органы власти и влиять на решения через них. При этом действуют принципы демократии большинства. Они означают, к примеру, следующее: представляющий проблемного гражданина депутат проголосовал против определенного налога, против передачи вырученных средств на какие-то цели, но большинство проголосовало «за». Несмотря на свое несогласие и на то, что он «поучаствовал в управлении» через своего депутата, ему придется платить. А если он откажется, то пригодится переданное им право нанести ущерб его телу, то есть право легитимного насилия, которым обладает государство. Суд примет решение о взыскании, а люди в погонах (приставы или кто посерьезнее) обеспечат его выполнение.

Так работает справедливость в современном «демократическом» обществе, которое, как считается, построено на основании общественного договора, который объединил всех в монопольное (что крайне важно) государство.

Принцип «общественного договора» известен уже несколько веков, однако он предполагает автоматическую и пожизненную передачу гражданином права применять к себе силу одному-единственному монопольному правительству.

Свободен ли гражданин в выборе, что именно получить в обмен на отданное государству право применять к себе силу, то есть наносить ущерб его телу, за которое он (и только он) отвечает перед Богом, природой? Нет! В государстве, устроенном по правилам демократии большинства, любой человек в каких-то вопросах окажется в меньшинстве, и будет против воли обязан большинством следовать навязанному ему решению. Его свобода в распоряжении правом наносить ущерб его телу ограничивается. («А что вы хотите? Это демократия!»)

Может ли гражданин разорвать договор с государством, которое пользуется переданным ему правом применять силу, но не ведёт с гражданином переговоров, а принуждает его выполнять решение большинства? Нет, не может. (А в системе правительственного многообразия гражданин сможет выйти из объединения, которое его разочаровало, отозвав у него право применять к себе силу, и войти в другое.)

Следует отметить, что существующее сегодня право на смену гражданства (что позволяет перейти из юрисдикции одного правительства в юрисдикцию другого) требует серьёзных лишений со стороны человека. Как правило, ему необходимо сменить место жительства, переехав в другую страну (а это разрыв наработанных социальных связей, смена работы, круга друзей, зачастую потеря имущества) и выполнить ряд непростых условий для получения нового гражданства, включая изучение нового языка. Такой барьер заставляет подавляющее большинство людей, недовольных своим правительством, не рассматривать смену гражданства в качестве реального способа добиться комфортных для себя условий общественно-экономических отношений.

Границы свободы – 3

Вернёмся к разбору ситуации, в которой оказываются два абсолютно свободных от каких-либо общественных ограничений человека, встретившиеся и имеющие пересекающийся интерес. Допустим, они не стали воевать, как в рассмотренном выше примере, а решили договориться и нашли некий вариант, который устраивает обоих. Так, например, они решили, что спорным имуществом будет пользоваться только один из них, но за это он будет регулярно отдавать часть произведённого им продукта второму. Этот вариант установления границ свободы СВОБОДНО выбран обоими. В своём договоре они также свободно и добровольно указали, что каждый из них передаёт партнёру право применить к себе силу в случае нарушения обязательств, привлекая для этого других лиц (так как физической силы одного может не хватить). Тот, кто нарушит договор, должен быть готов к тому, что второй придёт с группой других людей и воспользуется добровольно и свободно переданным правом применить силу для взыскания компенсации.

Соответствующие обязательства он взял на себя добровольно, и с этого момента он уже НЕ СВОБОДЕН, но в СВОБОДНО ОПРЕДЕЛЁННЫХ ИМ ПРЕДЕЛАХ из перечня возможных.

Границы своей свободы стороны могут определить настолько строго, насколько того требует предмет соглашения. Всё, что не запрещено соглашением, то разрешено, и никаких субъективных привнесённых «обществом» «принципов свободы», не прописанных в договоре, для договорившихся быть не может. Важно, что не царь, парламент или большинство, а каждый сам выбрал в процессе переговоров именно такой вариант его личных границ свободы. И ещё очень важно, что в таком договоре могут и должны быть прописаны возможности и условия выхода из него.

Договор о передаче кому-либо (партнёрам по бизнесу, государству и т. д.) права применять к себе силу, в котором не определён порядок выхода из этого договора, изначально ущербен и несправедлив. Некто, единожды получив право применять силу, сможет удерживать власть, если передавшие это право не имеют реальных возможностей отобрать это право, причём не коллективно («большинство в ходе демократических выборов отказало в поддержке...»), а индивидуально. Современной психологической науке известно, что все решения людьми принимаются на основе индивидуальных мотивов, а не коллективных, которых не существует. Любое коллективное решение представляет собой тщательно закамуфлированную реализацию чьих-то индивидуальных стремлений. Иногда это потребности большинства, но чаще – потребности наихитрейшего меньшинства.

Важен ещё один аспект по-настоящему свободного договора сторон. Каждый договаривающийся знает, что он может не идти на подписание соглашения, если предлагаемые другой стороной условия для него не приемлемы. Это также значит, что в отсутствии договора эта другая сторона может применить свою неограниченную свободу (так как договор-то не подписан) и попытаться добиться своего силой, в данном случае не санкционированной ничем, кроме «естественного закона», и не ограниченной ничем, кроме сопротивления второй стороны.

Если вести речь об объединении под управлением некоего правительства, то любой гражданин, передающий правительству право применять к себе силу, должен иметь возможность либо настоять на выполнении своих требований вне зависимости от мнения большинства, либо отказаться от подписания (выполнения) договора. В последнем случае он или подпишет договор с другим правительством, или останется сам по себе, что будет означать его неучастие в каких бы то ни было общественных договорённостях и, следовательно, «естественное» право всех остальных действовать по отношению к нему

как заблагорассудится. Да, это для него очень опасно, так как одному защищать себя и своё имущество тяжело, но такое право должно быть предоставлено человеку, иначе не может идти речи о подлинной свободе, означающей право распоряжаться своим телом, данное Богом, природой.

Реально существующая возможность каждого дееспособного гражданина распоряжаться правом применения к себе силы и отзывать это право тогда, когда предлагаемые ему в обмен условия его не устраивают; возможность договариваться о границах свободы, а не выполнять предписания государства о том, где оно сочло правильным их поставить – вот единственный честный путь определения границ свободы.

Таким образом, приняв в качестве исходной посылки предположение о том, что изначально свободу любого человека ничто не ограничивает, даже свобода другого человека, мы получим более прочную основу для свободы и безопасности каждого, чем при нынешнем понимании свободы, которая ограничена «свободой другого», субъективно определяемой представителями государства и часто воспринимаемой как несправедливость.

ГЛАВА 2, практическая (продолжение)

Применение силы в системе правительственного многообразия

Как в системе правительственного многообразия будет использоваться право на применение силы с учётом наличия у каждого лица суверенного права на применение силы к себе?

Базовый принцип следующий: никто никого не принуждает объединяться с кем бы то ни было, делегируя правительствам суверенное право применять к себе силу. Хочешь остаться один, абсолютным сувереном над самим собой – пожалуйста! Только имей в виду, что в ситуации «человек человеку волк», а стартовое «естественное» состояние именно таково, любой сможет на тебя напасть и отобрать у тебя и имущество, и жизнь (то есть нанести необратимый и фатальный ущерб телу). Сможешь один защититься – честь тебе и хвала. Не сможешь – похоронить будет некому, так как в социальные отношения ты не вступил.

Очевидно, что 10 – 20% делинквентных личностей, от разговора о которых мы ушли к вопросам свободы, будут вести именно такой образ жизни, индивидуально или образуя свои объединения, не идущие на соглашения с большинством общества. Они будут считать себя вправе делать по отношению к большинству всё что угодно. Заметим, что сейчас они себя чувствуют ровно так же. Но если сейчас политическая концепция предполагает, что их надо «втаскивать» в общественные отношения, то предложенная концепция границ свободы позволяет оставить за ними право существовать отдельно. Вместе с тем и большинство, не имея никакой договорной связи с этими асоциальными личностями, будет иметь право делать с ними всё что угодно, если они будут признаны опасными, от бессрочного ареста до уничтожения. (Обратите внимание: сейчас большинство считает, что обязано выполнять по отношению к преступникам, игнорирующим государство, какие-то правила, законы, а те считают, что законы писаны не для них.) Тех, кого можно перевоспитать, перспектива быть уничтоженным толкнёт в сторону принятия на себя обязательств и вступления в общественные связи. Тех, кто не перевоспитываемый, можно будет жёстко изолировать силовым образом. Асимметрия в отношениях с принципиальными маргиналами, о которой говорилось выше, будет таким образом устранена.

Сеть общественных договоров для большинства

Как поведут себя 80 – 90% населения, которые склонны к общественной дружелюбности? (Напомню, что такое процентное соотношение асоциальных и социально ориентированных очень слабо колеблется.) Они станут заключать общественные договоры, объединяясь и создавая свои альтернативные правительства. Принцип любого договора в очень приблизительном варианте будет выглядеть так: ты объединяешься с некоторым количеством других людей как минимум для обеспечения совместной безопасности и берешь на себя ряд обязательств. К ним будут относиться нормы поведения в отношении членов своего сообщества, исключая причинение вреда их имуществу; обязательство финансировать необходимые данному сообществу для выполнения своих функций работы (например, обеспечивать общественную безопасность, работу судов, содержать системы медицинского обеспечения, образования, службу занятости и т. д.). Кроме того, ты обязуешься выполнять все межправительственные соглашения, которые твоё правительство подпишет с другими. Одновременно ты передаешь этому правительству ограниченное право применения к себе силы, которое оно сможет использовать, если в результате процедуры следствия, установленной в законе этого объединения, будет доказано, что ты нарушил взятые на себя обязательства. Взамен ты получаешь защиту со стороны правительства и его партнёров, которая наверняка окажется гораздо более надёжной, чем та, которой ты сможешь обеспечить себя сам.

Большинство населения, объединившись под юрисдикцией нескольких правительств, возьмёт на себя обязательства перед своими правительствами и «собратями», клиентами того же правительства, а правительства подпишут соглашения между собой, возложив обязательства на себя и на своих граждан от их же лица. Это будет означать, что все эти 80 – 90% народа данной страны окажутся опутаны сетью взятых на себя обязательств.

Применение силы к принципиальным преступникам

Оставшиеся 10 – 20% населения, которые в силу своих психологических особенностей не захотят вступать в объединения или вступят в агрессивные антиобщественные объединения, не соблюдающие общепринятые нормы морали и поведения, не будут иметь договорных отношений с большинством. С ними можно будет поступать «по законам военного времени».

Ничто не будет ограничивать силовые структуры любого правительства в применении любых средств силового воздействия к лицам, не являющимся их клиентами

или клиентами других правительств, объединившихся вокруг единых принципов личной безопасности. Вероятно, соображения гуманности, сформировавшиеся в культуре и зафиксированные в регламентах, остановят их от немедленного уничтожения маргиналов, но с точки зрения базовых принципов этому не будет препятствий. Допустимо предположить, что асоциальные лица, которые будут знать, что противостоящие им силовые структуры принципиально ничто не ограничивает, смогут чаще удерживаться от нанесения ущерба представителям миролюбивого большинства.

Пенитенциарная система для участников объединений

Другое дело если человек, вступивший в одно из объединений и заключивший договор с соответствующим правительством, не выполнил какое-то из правил, под которым стоит его подпись. Подпись ставил? Ставил. Выбор был? Был, мог подписать договор с другим правительством или вообще ни с кем. Значит, ты преступник, и должен нести наказание в соответствии с регламентом, под которым подписался. А правительство обязано обойтись с тобой в соответствии с предусмотренной для таких случаев процедурой, с которой ты тоже в своё время согласился.

Принцип индивидуального формирования границ свободы предоставляет лояльным гражданам широкие возможности в обеспечении их прав в качестве подозреваемых в совершении правонарушений или осуждённых. Свобода выбора воплощается в самостоятельном определении человеком, в каких условиях он будет содержаться в местах лишения свободы, если окажется под подозрением или осуждён.

В пакет услуг правительства, оговариваемый при подписании договора, может входить описание условий лишения свободы, если таковое последует. Естественно, разные условия предполагают разную «абонентскую» (страховую) плату. Если вступающий под юрисдикцию правительства гражданин предпочитает в случае задержания содержаться в просторной камере с бытовыми условиями, соответствующими гостиничным стандартам, а тюремных служащих хочет видеть вежливыми и обходительными, то ему придётся платить более высокую плату за эту часть правительственного пакета. Если он предпочтёт сэкономить, например, посчитав, что на него никогда не падёт подозрение, то может оказаться в грязной переполненной тюрьме, где десяток его сокамерников будут представлять не самую культурную часть общества, а охранники не станут с ним особо церемониться.

Что касается преступников, не являющихся клиентами каких бы то ни было правительств, то теоретически, повторю, их можно будет уничтожать, практически же для них, вероятно, будут созданы исправительные учреждения за счёт гуманитарных фондов.

Суд

Как можно было понять по вышесказанному, суды должны существовать независимо от правительств. Естественно, любой судья как физическое лицо является клиентом одного из правительств (однако никогда не того, чьи дела рассматривает), но в своей профессиональной деятельности он выступает самостоятельно (индивидуально либо в рамках объединений судей). Те судьи, которые честным и справедливым выполнением своих функций заработают лучшую репутацию, будут получать наиболее выгодные контракты на абонентское обслуживание от независимых в своём выборе правительств, от физических и юридических лиц. Всем им, напомню, при заключении договорённостей с другими надо заранее определять на основе обоюдного согласия тех судей, что будут при необходимости разбирать их дела.

Теоретически возможен подкуп судей одной из сторон при возникновении предмета для разбирательства. Но в условиях свободного «рынка судей» у подкупленного судьи резко падают шансы на получение заказов в дальнейшем, что является тормозом коррупции в среде судей.

Коррупция чиновников

Раз уж зашла речь о коррупции судей, уместно обратить внимание на то, что в описываемой системе взяточничество и создание привилегий отдельным субъектам права со стороны правительственных чиновников оказывается весьма опасным. Причина та же, что и в случае с судьями: нечестное по отношению к своим гражданам правительство вскоре потеряет налогоплательщиков, а отдельные чиновники – работу, так как их начальство не захочет терять официальные доходы из-за «паршивых овец».

Открытая система контроля

Конечно, для того, чтобы налогоплательщики могли узнать о том, что их права нарушены правительством, и «проголосовать ногами», уйдя под юрисдикцию другого правительства, они должны иметь эффективную систему выявления злоупотреблений властью. Предложу схему открытого контроля, устройство которой под стать принципу правительственного многообразия. Она может использоваться во многих случаях, а теоретически – даже в современных условиях.

Любая контролирующая инстанция создаётся на основе открытого доступа желающих к осуществлению функций проверяющего. Это значит, что любой человек,

выполняющий необходимые условия, имеет возможность заниматься контролем той деятельности, которая является объектом надзора. Однако эти самые условия, будучи сами по себе выполнимыми, воспрепятствуют разрастанию количества контролёров в надзорной инстанции.

Претендент на работу в ней должен:

1) дать подписку о неразглашении содержания информации, представляющей тайну (личную, коммерческую, правительственную). Конечно, он сможет сообщить общественности о факте обнаружения нарушений, после чего в дело включатся соответствующие прокурор, суд, но без предания гласности содержания тайной информации;

2) дать письменное согласие на отказ от приватности личной жизни. Желая стать контролёром сознательно и добровольно соглашается на то, что за ним, его контактами будут следить все: сыскные агентства, правительственные спецслужбы, журналисты. Это позволит выявлять тайные воздействия на контролёров со стороны заинтересованных лиц, избежать продажи ими секретной информации, полученной в процессе ознакомления с предметом проверки, и обеспечить уверенность общественности в чистоте результатов работы, представляемых контролёрами;

3) работать в контролирующем органе полный рабочий день. В случае нарушения этого требования лицо исключается из контрольного органа и лишается в дальнейшем возможности заниматься подобной деятельностью. Это требование позволит избежать наплыва неадекватных в психологическом смысле личностей, чья работа будет скорее деструктивной.

Подобная организация контроля даёт возможность заниматься им любому лицу, если он найдёт источники для своего существования. Контролёром может стать обеспеченный человек, заработавший некоторый капитал и живущий на ренту, а также представитель группы малоимущих граждан, объединивших свои скромные возможности для выплаты жалования освобождённому представителю, которому они доверяют. Это делает контроль демократичным.

Другая важнейшая особенность предложенной системы контроля – её открытость, которая сводит к минимуму вероятность коррупции. В традиционной системе контроля те, кого контролируют, могут заплатить в какой-либо форме контролёрам, чтобы те закрыли на что-то глаза. В открытой системе платить бессмысленно, так как в любой момент может прийти новый контролёр (с кем ещё не договорились или представляющий интересы

стороны, несущей ущерб от неправомерных действий контролируемых), который выявит нарушения, предав их гласности.

Важно отметить, что контролирующий орган, будучи открытым, не станет увеличиваться в размерах бесконечно. Причина в том, что платить зарплату контролёрам будет не «государство», как сейчас, то есть все налогоплательщики принудительно, а конкретные лица, заинтересованные в квалифицированном контроле. Таким образом, желая сэкономить средства для финансирования других функций (только контрольных органов необходимо много для разных отраслей деятельности, в каждой из которых необходима профессиональная экспертиза), группы людей будут вступать в более крупные коалиции на основе доверия. Это уменьшит количество контролёров в каждом органе до количества реально существующих групп интересов, конкурирующих в этой области, плюс несколько обеспеченных контролёров, для кого это будет хобби.

Такая система наблюдения за правительственной деятельностью сможет выдавать общественности информацию о нарушениях, предотвращая возможность ее удержать в интересах тех, кто хотел бы что-то скрыть, как это бывает в контрольных органах сейчас.

Можно также отметить, почему сейчас эту систему внедрить тяжело. Причина в том, что деньги, которые обеспокоенные граждане могли бы платить своим освобождённым представителям в системе открытого контроля, уже изъяты у них в виде налогов. А тратятся они, в частности, на государственные (то есть подчинённые силовой монополии) контрольные органы закрытого типа.

Экономика

Меньше всего в системе правительственного многообразия изменятся отношения в экономической сфере. В процессе капиталистического перехода хозяйственная деятельность людей наиболее адекватно воплотила в себе ценности новой идеологии, предполагавшей равенство участников отношений. Конечно, повсеместное вмешательство монопольной государственной силы приводило к сильнейшим перекосам в распределении производимых продуктов. Но, даже будучи оплетена этими чудовищными путями, конкурентная экономика формально равноправных субъектов экономических отношений позволила обеспечить мощнейший импульс улучшению благосостояния широких слоёв населения в странах, построивших капиталистическую экономику.

В сфере экономики наиболее интересным будет вопрос о взаимодействии лиц, являющихся клиентами разных правительств, а именно правительств с меньшим и с большим уровнем опеки граждан. Рассмотрим три случая: а) совместный бизнес, б) наём

на работу и в) покупку в магазине, когда одна сторона (будущий партнёр, работодатель, продавец) находится под юрисдикцией более либерального в соответствующих вопросах правительства, чем другая (второй партнёр, будущий наёмный работник, покупатель).

Если два клиента разных правительств собираются начать совместное предприятие, тот из них, кто представляет более либеральное правительство, будет отвечать за соблюдение ряда обязательных процедур, оговорённых в соглашении его правительства с правительством будущего партнёра. Так, например, он должен будет проследить, чтобы до подписания совместных документов их завизировал правительственный чиновник противоположной стороны, гарантировав таким образом, что в случае ошибки своего подопечного правительство возьмёт на себя часть ответственности за его действия. Естественно, такие функции опеки «стоят» второму партнёру бóльших налогов. От первого же они требуют бóльшей ответственности и сосредоточенности при ведении переговоров.

Первого партнёра никто не принуждает делать бизнес через сложную процедуру согласования: он может поискать партнёров и среди клиентов более либеральных правительств. Но если, оценив совокупные затраты, он сочтёт более выгодным работать с клиентом отчётливо патерналистского правительства, он вправе поступить так, лишь выполнив необходимые условия.

Крайне важно в этом случае, что оба партнёра обязаны выполнить условия только того типа, который они заранее добровольно для себя выбрали. Тот будущий партнёр, который готов платить третьей стороне (правительству) за подстраховку своих действий, может расслабиться при подписании договора, так как в случае его ошибки или недобросовестности другой стороны контролирующий его чиновник-юрист предотвратит негативные последствия либо покроет убытки из бюджета. Такой гражданин платит деньгами за спокойствие; единственное условие для него – уплата высоких налогов.

Тот партнёр, который пожелал минимизировать налоги, но готов с вниманием относиться ко всем своим деловым взаимодействиям, без чужой помощи избегать ошибок и предотвращать обман с противоположной стороны, обязан соблюсти иное условие. Если его будущий партнёр, условно «безответственный», может подписывать договоры с кем угодно, особо не задумываясь, то именно на плечи условно «ответственного» ложится обязанность вспомнить, что надо проверить правительственную принадлежность партнёра и при необходимости вызвать чиновника для визирования договора. Каждый «платит» так, как ему удобно, и в этом истинная справедливость предлагаемой системы.

Аналогично происходит процесс найма на работу. Если работодатель существует в рамках более либерального законодательства, то именно он должен проверить, клиентом

какого правительства является потенциальный работник, и вызвать представляющего его чиновника, если этого требует межправительственное соглашение. Дальше он будет вынужден включить в договор найма свои обязательства по перечислению налогов и социальных платежей на счета правительства, которое опекает этого работника. Если он этого не сделает, то будет вынужден не только выдать зарплату незаконно нанятому гражданину, а также типовые отчисления его правительству, но и заплатить штраф. Такова ответственность работодателя, предпочитающего бóльшую свободу.

И вновь можно отметить: никто не заставляет работодателя нанимать работника, выбравшего себе правительство с высоким уровнем социальной защиты. Если ему захочется, то он сможет нанимать только клиентов либеральных объединений. Однако такие работники, будучи более привлекательными для всех работодателей (с ними меньше мороки), окажутся в дефиците, а значит, им надо будет платить больше. В результате повысится спрос на работников, состоящих под опекой патерналистских правительств.

Что касается покупок в магазине, то вероятно возникновение торговых точек, в которых будут обслуживать только клиентов либеральных объединений. В них будут присутствовать товары любого происхождения, с произвольной маркировкой. Сигареты, продаваемые в таких магазинах, не будут иметь надписей про опасность для здоровья. В такие магазины вход для граждан, выбравших серьёзную опеку правительства, будет запрещён. Они смогут делать покупки только там, где все товары будут содержать на упаковке полную информацию об их происхождении, пользе или опасности для здоровья, а также сертификаты о прохождении специального контроля, утверждённого правительством. Любой гражданин сможет закупать в таком магазине всё подряд, не опасаясь нарваться на некачественный товар. Правда, цены там будут несколько выше, чем в «опасных» магазинах для «либералов».

Обеспечение граждан

Тесно связаны с экономическими вопросами задачи такой организации общественных отношений, при которой все члены общества будут иметь реальную возможность вести достойную жизнь, каковой она представляется среднестатистическому современному человеку. При этом важно, чтобы у масс минимизировалось субъективное ощущение несправедливости, которое является одним из основных показателей неэффективности общественного управления. По этому поводу есть два важнейших соображения.

С одной стороны, есть все основания считать, что теоретически подавляющее большинство людей (не меньше 80%) в состоянии сами своим трудом обеспечить себе достойные условия жизни: еду, жильё, медицинское обеспечение, образование, культуру, развлечения, хобби, пенсию в старости. Уровень цивилизации начала XXI века таков, что не слишком напряжённо, но регулярно и качественно работая почти в любом качестве в условиях рыночных отношений, человек способен создавать такое количество общественно востребованного продукта, в обмен на который может получить приличную корзину товаров и услуг. Другое дело, что для этого никто не должен насильно отбирать у него бóльшую часть произведённого и тратить чудовищно неэффективным образом. Однако это уже вопрос организации общественных отношений.

С другой стороны, нет никаких оснований принудительно обеспечивать благополучие одних людей трудом других людей, когда у одних отбирают, чтобы отдать другим принципиально таким же. Сегодня же масштабное насильственное перераспределение общего продукта, произведённого всеми членами общества, позволяет одним существовать за счёт труда других.

Организация отношений в важнейших для человека областях жизнедеятельности должна опираться на две названные особенности. Рассмотрим основные из них.

Пенсионное обеспечение

Для начала важная оговорка: те члены общества, которые вступили или вступят в пенсионный возраст, не имея перед этим нескольких десятилетий работы по новому принципу формирования пенсии, должны получить преимущества перед более молодыми согражданами. Иными словами, принципы пенсионного обеспечения, которые предлагаются здесь, в переходный период должны распространиться только на тех, кому не больше 40, а то и 30 лет. Остальные должны получить организационную и финансовую поддержку. Это, с одной стороны, справедливо, а с другой – практично. Оппозиция со стороны старших поколений переменам, которые выгодны новым поколениям, в силах разрушить любые планы. Чтобы этого не произошло, лучше потратить часть национального продукта на уже неработающих старших, чем иметь дело с их нарастающим недовольством.

Что касается новой системы формирования пенсий, то ничего более эффективного, чем индивидуальная накопительная система, человечество не придумало. Каждый должен сам работать на своё будущее. В корне несправедливо будет давать равную пенсию тому, кто работал много и качественно и тому, кто работать не хотел или работал плохо. Конечно, для формирования серьёзных пенсионных накоплений надо освободить

доход граждан от избыточной неэффективной налоговой нагрузки, и тогда они смогут откладывать «на старость» больше.

Сама система пенсионного обеспечения должна быть качественно выстроена. В объединениях, где правительство активно опекает граждан, все пенсионные фонды будут очень серьёзно защищены от банкротства. В более либеральных объединениях граждане будут сами следить за надёжностью выбираемых ими фондов.

Широчайшее использование страхования. Медицина

Для решения многих задач крайне эффективным будет использование принципов страхования. Его внедрение необходимо и в пенсионной системе (например, если в расцвете активного возраста человек станет инвалидом, то соответствующая страховка обеспечит ему с момента потери трудоспособности ту пенсию, на которую он должен был выйти через пару десятилетий), и в системе медицинского обеспечения. Стоит вновь отметить, что нынешнюю «страховую» медицину сможет вывести на принципиально иной уровень увеличение средств, вкладываемых гражданином в свою медицинскую страховку. Для этого с его доходов надо снять избыточную налоговую нагрузку. Если объём средств на медицинских страховых счетах граждан будет по-настоящему большим, то в конкурентных условиях частная медицина сможет обеспечить нужный охват высококачественным обслуживанием.

Страхование рисков, особенно гражданами, выбравшими себе более либеральные правительства, позволит им предотвратить катастрофические для себя последствия неизбежных ошибок, как в бизнесе, так и в частной жизни.

Особая технология финансирования, сочетающая страхование и кредитование, позволит принципиально повысить качество образования.

Образование

Сегодня действует чудовищно неэффективная, если взглянуть на неё свежим взглядом, схема финансирования образования. В чём её суть?

Все граждане, официально трудящиеся сейчас, лишаются части заработка в виде налогов (включая налоги на предприятия, понижающие уровень индивидуальной оплаты труда относительно потенциально возможного). Часть этих налогов закачивается в систему образования: дошкольного, среднего и высшего. Не обсуждая пока первые два, проанализируем третий (хотя теоретически то, что будет сказано о нём, может быть отнесено и к остальным).

Государственное высшее образование (как бы бесплатное, но реально оплаченное налогами работающих) получают миллионы молодых людей. После окончания вузов лишь меньшая их часть работает по специальности. Многие уже в процессе обучения понимают, что ошиблись, и бросают учёбу, поступая в другое место. Те, кто учится на «коммерческой» основе, на самом деле своими деньгами оплачивают лишь зарплату преподавателям, иногда ещё коммунальные расходы вузов. Основные фонды университетов содержатся за счёт бюджета, если это государственные учебные заведения, ведущие параллельно платное обучение. Если вуз стопроцентно частный, он всё равно имеет льготы по аренде и по налогам, что означает частичную оплату «коммерческих» студентов за «государственный» (то есть налогоплательщиков) счёт.

Студенты-выпускники официально никому ничего не должны, за редким исключением (договоры с предприятиями о последующей работе); во многом поэтому высшее образование давно стало в первую очередь элементом социального статуса, и только потом – средством приобретения знаний, умений, навыков для последующего труда. В результате коэффициент полезного действия системы высшего образования – как у паровоза, заметно ниже 50%. Как его увеличить? Представлю модель такой системы.

Всё высшее образование строится на основе частного финансирования (отмечу для тревожных скептиков, что лучшая в плане научных результатов университетская система США финансируется преимущественно частным образом). Как следствие, высшее образование становится очень дорогим. Если родители могут позволить себе оплатить учёбу чада, то вопрос о том, будет оно использовать полученные знания после выпуска или нет, останется внутрисемейным.

Если семья не может оплатить учёбу, а ребенок нацелен на получение высшего образования, при этом в школе он учился достаточно хорошо, то он идёт сдавать экзамены. Но не в вуз, а в банк.² Кредитные учреждения, специализирующиеся в этой сфере, формируют экзаменационные комиссии, которые проверяют уровень знаний абитуриента, а также изучают особенности его мотивации, и выносят вердикт о том, высоки ли у него шансы проучиться весь необходимый период и стать конкурентоспособным специалистом в искомой области. Если оценка положительная, то абитуриент получает кредит лет этак на двадцать. В период учёбы он только получает деньги на учёбу, но ничего не возвращает. Когда после окончания вуза устраивается на работу, то начинает постепенно гасить кредит.

² Скорее, это должны быть специализированные кредитные учреждения, являющиеся посредниками между банками и гражданами и инвестирующие средства в высшее образование своих заёмщиков на основе индивидуальных договоров.

Преимущества данной системы многообразны. Возможность получить высшее образование перестаёт зависеть от материального положения: банк заинтересован дать как можно больше кредитов талантливым соискателям, чтобы заработать на них. Более того, перспективным абитуриентам из отдалённых регионов банк сможет выдавать кредиты на проживание и даже на жизнь.

Искореняется система экзаменационной коррупции: банк будет самым пристальным образом следить за тем, чтобы хорошие оценки не получил взяточник-недоучка, так как в этом случае под угрозой будет возврат кредита.

Улучшится коэффициент трудоустройства после завершения учёбы. Банк, обеспокоенный возвратом кредитов, создаст мощную систему поиска работы для «своих» выпускников, стараясь подобрать им наиболее высокооплачиваемые места, гарантирующие возврат средств.

Руководство вузов перестанет заниматься выбиванием фондов в министерстве и сможет сосредоточиться на научной и педагогической деятельности.

Найдётся задача и для страхового бизнеса. Так как за длительный период действия кредитного соглашения может возникнуть немало обстоятельств, препятствующих его выполнению любой из сторон, оно должно быть обязательно застраховано от рисков, как банка, так и студента.

Стоит добавить, что такая система сможет обслуживать как объединения граждан с отчётливо либеральными системами отношений, так и с высоким патернализмом. Последние, возможно, сочтут правильным проверять банки и вузы перед тем, как разрешить им подписывать соглашения со своим гражданином.

Выполнение общественно значимых функций

Сегодняшнее государство, правительство наряду с организацией экономически выгодного взаимодействия полноценных, дееспособных граждан и членов их семей занимается также решением тех задач, которые по определению не могут строиться на принципах самокупаемости. Система правительственного многообразия должна обеспечить выполнение этих общественно значимых функций.

В любом обществе есть люди, которые оказываются не в состоянии обеспечить себя. Их доля существенно ниже того уровня, о котором говорят сторонники «социального государства» (которые пытаются представить немощной чуть ли не половину населения, вслед за чем начинают принудительно изымать у трудящихся доходы и с выгодой для себя перераспределять их). Но всё равно количество таких людей велико. Среди них можно выделить две принципиально отличающиеся друг от друга группы. В первую входят

одиноким инвалидам, старикам, детям-сиротам. Во вторую – трудоспособные граждане, волею судьбы или даже в результате собственных ошибок попавшие в тяжёлые жизненные обстоятельства.

Стоит отметить, что представителям второй группы общество может и должно предоставить возможности (посредством правильной организации общественных отношений) своим трудом выбраться из социальной ямы. Любому человеку, сохраняющему способность к труду, должны быть открыты пути повышения своей квалификации или изменения её, нахождения нового места во всемирном разделении труда, позволяющего самому себя обеспечивать. Опираясь на сформулированные выше два принципа (каждый в состоянии обеспечить себя своим трудом; нет оснований содержать одних за счёт других), следует отказаться от замораживающей социальную мобильность практики нынешних политиков: «Спрос на вашу профессию, продукцию упал? Не беда, выпишем государственные дотации для отрасли и сохраним её вместо того, чтобы создавать рабочие места, более востребованные в условиях глобализации».

Реальная свобода выбора, которая появится у наиболее активных членов общества, объединившихся под эгидой «либеральных» правительств, позволит им инвестировать в переподготовку кадров, дефицит которых только нарастает. Конечно, очень многие граждане, попавшие в полосу трудностей, не имеют склонности напрягаться, меняя привычки, и осваивать что-то новое. Если они являются «либералами», то их ждёт жестокая правда жизни. Не перестроятся вовремя – окажутся на социальном дне, и никто их спасти не станет. Такова судьба сознательно выбравших либеральные принципы. А вот граждане, опекаемые «социалистическими» правительствами, будут вынуждены (под угрозой применения к ним силы их правительством) участвовать в программах переподготовки. Те «социалистические» правительства, которые пойдут на поводу у своих клиентов и не будут их напрягать, либо придут к банкротству, выплачивая пособия по безработице, либо через какое-то время будут вынуждены устраивать их на рабочие места, требующие гораздо менее квалифицированного труда, а потому и хуже оплачиваемого. Как следствие, в силу конкуренции между «социалистическими», активно опекающими своих клиентов правительствами, граждане будут перетекать от мягких и слабовольных к решительным, но эффективным администрациям. Возможно, даже к авторитарным.

Иного пути нет: либо человек приспособляется к изменяющимся условиям, меняя свои привычки и деятельность, либо его будут вынуждены содержать другие, более мобильные сограждане. Несправедливо и безнравственно обязывать других платить за

инертность человека, который не имеет непреодолимых препятствий на пути изменения своего поведения.

Помощь социально незащищённым

Другой разговор о тех, кто не может трудиться в силу обстоятельств, которые большинством признаются объективными. Таких людей почти все цивилизации во все времена считали необходимым опекать, поддерживать. Способов поддержки может быть два: добровольный и принудительный. В первом случае испытывающие сочувствие граждане создают соответствующие фонды, общественные организации либо частным образом на добровольной основе начинают помогать одиноким инвалидам, старикам, детям-сиротам. Во втором государственные деятели и чиновники по своему разумению изымают часть средств из принудительно собираемых налогов на поддержку названных категорий сограждан и тратят их таким образом, каким считают нужным.

Несложно понять принципиальную разницу между двумя подходами. В случае добровольного вклада от решения благотворителя зависит, будут внесены средства или нет. Ему не безразлично, насколько эффективно расходуются его деньги (которые он мог бы и не вносить), и он склонен сам следить за эффективностью их использования. Возникает естественная и не подверженная коррупции индивидуальная психическая энергия контроля. Кроме того, если человек пожертвовал средства добровольно, эта жертва соответствует его внутреннему настроению и направленности. Отдавший деньги на поддержку сирот действительно сочувствует им. Если бы его заставили содержать клинику для лечения от наркозависимости, он бы возмутился, так как в его системе нравственных координат детям помогать важнее, чем наркоманам. В то же время, есть другие люди, которые считают, что ничья семья не застрахована от страшнейшего зла современности, и хотят, прежде всего, поучаствовать в борьбе с ним. Добровольная система пожертвований даёт возможность каждому реализовать свою сугубо личную душевную направленность.

Существующая сегодня система решения проблем социально незащищённых граждан за счёт принудительно собираемых налогов обладает двумя серьёзными недостатками. Во-первых, все налогоплательщики, у которых нет выбора, давать или не давать средства, не склонны контролировать расходование своих обязательных взносов в государственный бюджет. «Если всё равно у меня возьмут, то пусть сами решают, как потратить», – такая позиция подсознательно присутствует почти у всех. Это способствует коррупции и неэффективности расходов. Во-вторых, если тратят, не спросив, на что я сам считал бы правильным, возникает подсознательная претензия к получателям помощи: «Я

своими налогами тебя содержи, хотя и не считаю это необходимым; ты нахлебник, паразит на моём теле». По отношению к слабым, которых конкретный налогоплательщик не считает первостепенно нуждающимися, растёт негатив. А так как «кормят» всех из общего бюджетного «котла», то для любого налогоплательщика найдётся та категория, которую он поддерживать не хотел бы.

Вывод, который представляется неизбежным: поддержка тех членов общества, которые по объективным причинам не могут себя обеспечивать, должна быть основана на принципе добровольности. Отметим, что исчезновение принудительных налогов на наиболее активных и самостоятельных (объединившихся под координацией «либеральных» правительств) позволит увеличить количество средств, которые останутся у граждан. Если в культуре будут присутствовать соответствующие настроения, а в поведении конкретных людей сформируются поведенческие стереотипы, часть этих средств граждане будут тратить на благотворительность. Конечно, важнейшее значение будет иметь процесс перехода от сегодняшней госбюджетной схемы к добровольной. Необходимо предусмотреть отдельные технологические приёмы, позволяющие плавно выстроить новые механизмы финансирования взамен уходящих.

Почему богатые будут делиться?

Скептикам, которые усомнятся в готовности людей добровольно жертвовать в пользу несчастных, можно вновь ответить с позиций современной психологической науки. Сейчас не представляет сомнений существование иерархии потребностей человека, описанной разными авторами. Абрахам Маслоу утверждал, что после удовлетворения потребностей в пище, безопасности, сексуальной и коммуникативной потребностей человек приходит к потребности в признании, оценке и уважении.

Сегодня те слои российского общества, которые состоят из наиболее обеспеченных людей, на каждом шагу демонстрируют тягу к общественному уважению, доходящую до трясучки. Дорогое жильё, машины, одежда, украшения, образ жизни в целом – это проявление названной потребности в их поведении. С помощью таких видимых знаков богатые пытаются получить от окружающих поощрение собственного успеха в виде уважения, но, как правило, терпят фиаско. Получают они зависть от представителей своего круга и злобу со стороны остальных, менее обеспеченных. Таким образом, потребность остаётся неудовлетворённой, отчего «богатые тоже плачут». У каждой общественной группы свои проблемы: кому-то нечем накормить детей (не реализована одна из базовых потребностей), а кому-то не хватает искреннего восхищения его успехами

и уважения со стороны окружающих (не реализована одна из «поздних» потребностей). Но субъективно переживаемая неудовлетворённость роднит этих столь разных людей.

Грамотно выстроенная на основе социальных технологий система взаимодействия тех и других несчастных может улучшить удовлетворённость жизнью и первых, и вторых. Известны примеры по-настоящему богатых людей, которые обретают счастье на ниве благотворительности. Здесь нет какой-то индивидуальной склонности, свойственной только им. Наоборот, действует всеобщий закон, использующий энергию человеческой психики. Разрабатывая методику перехода к системе правительственного многообразия, следует особо тщательно проработать способы формирования традиции, которая будет использовать названные энергии человеческой души.

Культура и наука

Как ни боязно это произносить, аналогичная система добровольного финансирования должна обеспечивать развитие культуры и науки. Принцип добровольности позволит обеспечить эффективность и чистоту расходов, а также удовлетворённость граждан от использования их средств.

С точки зрения «закона сохранения», если сейчас производимого обществом продукта хватает на какое-то финансирование дотационных сфер, то и в новой системе он сможет быть, как минимум в том же объёме направлен на те же цели (а в идеале – в большем по причине упомянутого повышения общей эффективности). Значит, задача состоит в построении системы мотивирования граждан, свободных в своём поведении, на добровольную поддержку культуры и науки.

Помимо технологий психологического свойства, связанных с формированием традиций, должны применяться и чисто организационные технологии. Прежде всего, все фонды, финансирующие культуру, должны делать обязательные страховые отчисления на случай потери доноров. Страховка должна позволить сохранить прежний режим обеспечения учреждений науки и культуры на некоторый срок, дающий надежду на нахождение новых источников финансирования.

Другая организационная технология связана с делением направлений финансирования на разные категории.

В сфере культуры есть высокое искусство, которое не является массовым, но обеспечивает прорывы в творческих областях, и массовая культура, которая занимается воспитанием большинства. Первое может и должно существовать только за счёт добровольных взносов, осуществляемых увлечёнными спонсорами. Лишь

иррациональный союз творца и финансирующего его поиски донора является оправданным при прощупывании новых направлений развития искусства.

Массовая культура выполняет функцию сохранения и передачи традиций. Это важнейший элемент, скрепляющий общество, обеспечивающий социализацию всех приходящих в него, как новых поколений, так и мигрантов. Исходя из этого, каждое правительство может включать в свою программу обязательные налоги на содержание учреждений массовой культуры, которые будут хранить, развивать и распространять те традиции, которые являются цементирующими именно данную часть общества со своими ценностями и ориентирами. Так, правительство «социалистов» будет финансировать издание книг, производство фильмов и телепередач, проповедующих коллективизм и взаимную поддержку, а правительство «либералов» будет способствовать распространению идей личной ответственности и продуктивного индивидуализма. И то, и другое, соответствуя внутренним установкам пришедших к этому правительству граждан, будет с большим пониманием ими встречено и одобрено.

Конечно, можно ожидать, что налоги «на культуру» более либеральных правительств окажутся существенно ниже, и там даже масскульт будет финансироваться преимущественно за счёт частных фондов. Смогут ли ценности индивидуальной свободы, распространяемые за счёт добровольных пожертвований, устоять под давлением ценностей коллективизма, пропагандируемых с помощью обязательных налогов, покажет движение последующих поколений в сторону правительств с теми или иными программными установками.

Кстати говоря, добровольный принцип финансирования массовой культуры, который даёт возможность делающим свой взнос гражданам гораздо более серьёзно контролировать расходование средств, позволит старшим поколениям начать борьбу с негодными им тенденциями в молодёжной культуре. Сейчас производители продукции масскульта прислушиваются только к рекламодателям, идя на поводу у стихийных молодёжных тенденций, да иногда к чиновникам. При добровольном финансировании все, кто обеспокоен воспитанием молодёжи, смогут сами выбирать, какие книги, фильмы, телепередачи и радиостанции поддерживать своими взносами.

Финансирование науки также распадается на две составляющие: фундаментальные и прикладные исследования. Первые из них никогда не смогут быть самокупаемыми. К ним следует применять уже описанный принцип добровольного (но сопровождаемого страховками) финансирования из частных фондов.

Легко представить себе, как увлекавшийся в детстве физикой или астрономией, биологией или историей успешный предприниматель тратит значительные средства на изучение переходов пространства и времени, исследование космоса, медицинские эксперименты или археологические экспедиции. Это позволит реализовать ему потребности «позднего» формирования – в признании и в самоактуализации, которые пробудились в его душе после удовлетворения более «ранних».

Так как отмена большинства налогов оставляет в руках предпринимателя гигантские финансовые ресурсы, а также избавляет его от вечной игры в уклонение от их уплаты, занимающей его голову сейчас, то как финансовые, так и интеллектуальные его возможности смогут быть направлены на выполнение общественно значимых функций. Кто-то будет склонен вкладываться в социальные программы, кто-то в поддержку молодых кинорежиссёров, а кто-то потратит освободившиеся средства на фундаментальную науку. Важно, что заработавшие эти средства предприниматели будут получать удовольствие от таких трат, так как они будут соответствовать их внутренним стремлениям.

Сегодня противники перевода фундаментальной науки на частное финансирование повторяют как заклинание: «Никакой частный фонд не справится с задачами такого масштаба, это может делать только государство». При этом уважаемые учёные забывают уже упомянутый классический закон сохранения: у государства нет ничего, что оно не забрало бы перед этим у своих граждан. Задача состоит в том, чтобы эти средства, никуда не девающиеся из совокупного общественного продукта (а по идее и увеличивающиеся за счёт повышения эффективности) были бы добровольно направлены на фундаментальную науку. Если социальные технологи докажут свою способность выстроить необходимые механизмы перехода и обеспечить стабильность дальнейшего финансирования, такой путь развития науки будет, безусловно, более перспективным, чем сегодняшней.

Что касается прикладных исследований, то они в условиях освобождения инициативных предпринимателей от налоговой нагрузки будут достаточно привлекательными направлениями инвестирования, так как являются окупаемыми в обозримой и приемлемой для бизнеса перспективе.

Почему «государства богатых» не будут угнетать «государства бедных»?

Этот вопрос мне уже приходилось слышать во время предварительного обсуждения концепции правительственного многообразия. «Все богатые соберутся в одном объединении, где будут низкие налоги, потому что у них уже всё есть, и тратить ни на что

не надо, а бедных они к себе не возьмут, и малообеспеченные граждане со своих нищенских зарплат будут обречены ещё и налоги высокие платить. Где справедливость?»

Чтобы понять, даже скорее глубоко прочувствовать ответ на это возражение, необходимо уловить принципиальную разницу между сегодняшним государством и политической системой, модель которой мы обсуждаем. Что мы имеем сегодня? Имущий класс ВСЕГДА может добиться от власти выгодных для себя решений либо с помощью избирательных и других политических технологий, либо с помощью подкупа депутатов и чиновников. Эти решения даже в самых сложных обстоятельствах (экономический кризис, стихийные бедствия, война) позволяют минимизировать ущерб имущих, проигнорировав интересы остальных. А решения в нынешней системе ОБЯЗАТЕЛЬНЫ ДЛЯ ВСЕХ. И репрессивный аппарат государства обеспечивает их выполнение.

В обсуждаемой системе решения, принятые «богатыми», обязательны для всех только внутри их сообщества. Если они хотят того же от остальных (менее обеспеченных), они (их правительство) вынуждены ДОГОВАРИВАТЬСЯ с остальными (другими правительствами), свободными в своих решениях. Да, есть опасность подкупа правительств менее обеспеченных граждан со стороны более обеспеченных. Но так как нет ограничения на переход граждан от одного правительства к другому, подкуп теряет смысл. «Богатые» подкупают правительство, а его клиенты, разочарованные коррупцией, завтра перейдут под юрисдикцию другого, ещё не подкупленного. Никаких денег не хватит!

Отвечая на опасения по поводу возникновения «гетто-правительства для бедных», развею его на основании описанного отличия двух систем. Граждане и правительства, владеющие меньшими богатствами, НУЖНЫ гражданам и правительствам, у которых богатств больше. Более того, эти богатства создаются и сохраняются трудом менее обеспеченных граждан. Для того чтобы у «богатых» не менялся их образ жизни, они вынуждены платить. Платить работникам своих предприятий (от рабочих до высшего менеджмента), производителям продуктов питания, одежды, электроэнергии, автомобилей, предметов роскоши, платить прислуге и воспитателям своих детей. Если условия, которые они предлагают (например, коллективный договор своим рабочим) тех не устраивает, (причём он объективно несправедлив – на рынке труда нет других работников нужной квалификации, способных качественно выполнять работу на условиях работодателя), то заставить их работать хозяин не сможет. Запрет на забастовки, который действует сейчас во множестве случаев, является обязательным для всех лишь в монопольном государстве. В новой системе «правительство рабочих» от их лица при переговорах с «правительством работодателей» откажется от невыгодных условий.

Естественный вопрос: а чем это отличается от нынешних профсоюзов? Отличается тем, что профсоюзы действуют в рамках законов, принятых монопольной государственной властью под давлением их оппонентов-работодателей (имущего класса, о влиянии которого на принимаемые властью решения мы уже говорили). Профсоюзные деятели часто коррумпированы, так как законы очень усложняют создание альтернативных профсоюзов, а зачастую устанавливают монополию конкретного профсоюза, воспроизводя себя (государство) в вопросе трудовых отношений.

«Правительство наёмных работников» сможет отстаивать интересы своих граждан, ведя на равных переговоры с «правительством работодателей», а если будет отступать и плохо выполнять поставленные перед ними задачи, то быстро потеряет клиентов. Единственное, что будет ограничивать возможности работников по давлению на работодателей – это ситуация на рынке труда. Если работодатели могут выбирать, с каким объединением работников иметь дело, и одно из них готово на более мягкие условия, то второе будет вынуждено также смягчать свою позицию или останется вне договорённостей. Но это справедливо, и это способствует стремлению повышать свою квалификацию всеми, кто трудится, чтобы выглядеть более привлекательно при найме на работу.

Мы видим принципиальное отличие конкуренции в открытой системе, лишённой монополизации права на применение силы, от закрытой системы, где монополия сохранена. Сейчас для создания конкурирующих субъектов в любых областях (предприятия, профсоюзы, СМИ, общественные организации) нужно выполнить требования монопольного государства, на решения которого влияют уже приблизившиеся к госаппарату бизнес-монополисты. Когда для создания альтернативных конкурирующих правительств, альтернативных конкурирующих предприятий и так далее не надо будет никого спрашивать, сегодняшняя иллюзия честной конкуренции будет заменена действительной честной конкуренцией, которой на самом деле ещё никто не видел.

Почему «государства социалистов» не будут беднее «государств либералов»?

Этот вопрос также может возникнуть, и он по-настоящему интересен, так как в нём проявляется одно распространённое заблуждение. Почему-то многие считают, что люди с индивидуалистическими установками работают лучше, чем люди общественно-ориентированные. Если бы было так, то можно было бы ожидать, что собравшиеся под либеральной программой граждане в целом будут жить лучше, чем их соотечественники, объединившиеся вокруг социалистической программы. Но это не так.

Для начала выясним, с чем связана упомянутая точка зрения. Она происходит от выводов, представленных во многих исследованиях экономистов, которые свидетельствуют: страны с более либеральной политикой правительств добиваются лучших экономических результатов, чем правительства с социалистической организацией отношений и хозяйства. Следовательно, можно предположить, что в новой системе правительственного многообразия граждане, склонные получать поддержку от окружающих и ставшие клиентами «социалистических» правительств, обрекут себя на жизнь под менее эффективным управлением. Ведь сегодня правительства социалистов могут похвастаться разве что более «справедливым» распределением, но никак не более производительной экономикой. А если из-под управления этих правительств выйдут самые предприимчивые, создав свои, более либеральные объединения, то и «справедливо перераспределять» будет нечего, так как сейчас государство перераспределяет забираемое как раз таки у наиболее предприимчивых.

Ошибка состоит в том, что причиной различий в экономической эффективности современных социалистических и либеральных правительств является не трудоспособность граждан и не ущербность принципов, а реакция этих двух систем на государственный монополизм. Либеральная организация общественных отношений хотя и испытывает трудности из-за монополизации права на насилие, но за счёт децентрализации принятия множества решений относительно успешно их преодолевает. Социалистическая же система оказывается истощена монополией на применение силы, которая обрушивает эффективность расходования массивного бюджета и порождает масштабную коррупцию. Но если монополия устраняется, то это открывает возможности по «лечению» тех проблем с эффективностью, которые сегодня присущи социалистическим государствам.

Нет оснований считать, что люди, ориентированные на общественные ценности и ориентированные на индивидуализм, работают с разной интенсивностью и качеством. Значит, выполняющие одну и ту же работу трудовые коллективы из ста «социалистов» и ста «либералов» потенциально произведут одно и то же количество продукта. Однако на их производительность будет влиять знание о последующем распределении этого продукта. Если работника устраивает последующее распределение, он будет работать «с огоньком», а если он считает делёж результатов неправильным, несправедливым, то он не станет напрягаться.

Что будут знать о распределении результатов труда разные граждане, находясь в системе правительственного многообразия?

Каждый «социалист» будет в курсе, что из произведённого им продукта изымут 60%, которые пойдут на цели, полезные для него (социальный пакет) и его сообщества (развитие культуры, научно-практические исследования, воспитание молодого поколения, содержание правительства). Он будет знать, что об этих вопросах у него голова болеть не должна, заберёт себе 40% произведённого на личные расходы и станет жить «как при Советской власти». Распоряжающиеся налогами чиновники постараются управлять бюджетом максимально эффективно, так как иначе «социалист» уйдёт к другому правительству «социалистов» (чего нельзя было представить себе при настоящей Советской власти).

Каждый «либерал» будет в курсе, что из произведённого им продукта изымут 5 %, которые пойдут на содержание полиции и компактного правительства. Он будет знать, что всё остальное (собственное пенсионное обеспечение, страховки, обучение детей, медицина, повышение собственной квалификации, управление личными инвестициями) – задача его лично и никого другого. Он станет держать в поле внимания все эти вопросы и тратить на их решение оставшиеся у него 95% дохода, а также изрядную долю своего времени. Но все решения примет сам.

Бессмысленно обсуждать, какой из вариантов удобнее. Одним людям удобнее один, другим – другой, третьим – какой-то промежуточный. Сегодня выбора нет. В предлагаемой системе он есть. А если человек имеет возможность жить так, как ему удобно, то и производительность его труда, и качество его жизни вырастут. Независимо от того, «социалист» он или «либерал».

Разъяснение терминов

Завершу обзор системы правительственного многообразия фиксацией некоторых использованных терминов с уклоном в лингвистику (насколько это может сделать человек, не имеющий соответствующего образования).

Русский язык дает возможность оперировать тремя связанными по смыслу словами, иногда означающими одно и то же, а иногда разное: «страна», «государство», «правительство». Среднее в этом перечне иногда заменяет первое, иногда – последнее, иногда означает нечто своё. В английском языке примерно такое же распределение смыслов между аналогичными словами («country», «state» и «government»). Но есть и существенное отличие в силу неполного соответствия слов «государство» и «state». Русское слово произошло от понятия «государь», то есть господин, хозяин, в данном случае господин своих подданных. Английское же имеет второе значение: «строение»,

«структура», что в политическом смысле следует интерпретировать как установление некой системы в управлении, не связанной с отношениями господства и подчинения.

При анализе политических систем весьма удобно не забывать о том подтексте, который исторически присутствует в русском слове «государство».

Для порядка зафиксируем смысл всех трех слов. Страна – это территория, на которой действует единая система политического управления. Правительство (в широком смысле) – это совокупность органов власти, осуществляющих политическое управление. Слово «государство», как уже было сказано, может заменять оба предыдущих термина, а может означать (а) порядок устройства власти на территории страны (синоним английского «state») и (б) союз граждан и правительства, объединенных историей и культурой в неразрывную общность и имеющий некие интересы, права, миссию (это понимание широко представлено в политических концепциях, исходящих из исторических особенностей устройства власти в России).

В разнообразных сочинениях, речах, документах нередко даже по контексту трудно понять, какое из значений имел в виду автор. Поэтому при описании системы правительственного многообразия мне кажется правильным отказаться от использования слова «государство», чтобы подчеркнуть прекращение в этой системе каких-либо отношений принудительного господства и подчинения между их участниками. Остаётся понятие страны, то есть территории, на которой проживают свободные граждане, имеющие общую историю и культуру и выбравшие принцип правительственного многообразия для организации своих общественно-политических отношений. Остаётся понятие правительства (правительств), которым граждане добровольно отдают часть своей свободы, сохраняя возможность забрать это право обратно и распорядиться им по-другому. А вместо «государственное управление» корректнее говорить «политическое управление». Политическое управление, в основе которого лежит право любого гражданина самостоятельно распоряжаться своей свободой и испытывать все прелести от последовавших результатов.

ГЛАВА 3, организационная,
в которой описано, что следует делать, чтобы в 2030 году
была возможность выйти из-под власти территориальных государств
и оказаться в юрисдикции экстерриториального сообщества

Для начала ещё раз разделю две задачи, требующие решения при построении панархии. Одна из них касается теоретической возможности существования такой системы. Могут ли в принципе на одной территории процветать сообщества, каждое из которых представлено своим правительством? Модель такого симбиоза предложена выше, во второй главе. Проверка её всеми доступными способами и есть первая задача. Какие вопросы ещё не решены? Какие силы могут разрушить такое общество? Это надо обсуждать; модель – виртуально тестировать; критиков – благодарить за внимание и убеждать сильными аргументами.

Но панархия не может быть построена без решения второй задачи – выработки плана действий для перехода к ней от нынешней общественно-политической архитектуры. Новое общество мы создаём не на пустом месте, не на Марсе и не на внезапно открытом необитаемом острове. Вся суша Земли поделена между существующими территориальными правительствами (да, есть Антарктида, но с нею свои сложности, как и с системами³). Игнорировать этот факт невозможно; мечты о том, что сторонникам свободы кто-то предоставит возможность строить своё общество «с чистого листа», являются показателем инфантилизма и безответственности их носителей. План перехода из состояния 2023 года к состоянию ~2030 года должен быть разработан, предъявлен и протестирован так же, как проект существования уже готовой панархической системы.

В настоящей главе будут изложен план-проект решения второй задачи.

В 2006 году, через два года после того, как я узнал о существовании такой системы идей, как либертарианство, мне посчастливилось оказаться в одном прекрасном собрании.

³ Seastead – расположенный на шельфе или плавучий объект в нейтральных водах, представляющий возможность объявить его территорией вновь созданного государства.

Это была конференция, где умудрённые опытом и продвинутые сторонники идей настоящей свободы обсуждали актуальные вопросы построения общества в соответствии с либертарианскими принципами, а также жёстко издевались над попытками этатистов усовершенствовать их любимую и безнадежно неэффективную систему. Взяв слово, я пожаловался присутствующим, что о либертарианстве не знают не только обыватели, но и специалисты. Занимаясь практической работой в области российской политики уже полтора десятилетия, я только в 2004 году услышал об этой системе взглядов. За столь долгое время никто вокруг меня даже не заикался о ней. «Почему либертарианство не известно публике? Не стоит ли все усилия сосредоточить на пропаганде этой прекрасной, очень стройной, логичной концепции, основанной на вековом опыте человечества? Разработка отдельных частных вопросов организации готового либертарианского общества, которой вы заняты, – это полезно и нужно, но, ограничиваясь этим, вы поступаете недальновидно.»

Полученный мной ответ был великолепен. Звучал он примерно так: «Мы не станем снисходить до того, чтобы разьяснять такие понятные вещи наивным и малообразованным людям, верящим в силу государства. Рано или поздно массам станет ясно, что государственное управление неэффективно, а чиновник – враг человека. Тогда люди обратятся к нам, им потребуются те модели и частные решения, над которыми мы сейчас работаем. А пропаганда – это грязно и низко, мы не будем этим заниматься.»

Прошло 17 лет.

На сегодня слово «либертарианство» слышало гораздо больше людей в русскоязычной среде, чем тогда. Правда, слово это вызывает обычно довольно странные ассоциации у тех обывателей и даже политических активистов, что с ним знакомы. Сами же либертарианцы теперь гораздо более серьёзно настроены на пропаганду своих идей, чем в 2006 году. Их план таков: убедить если не большинство, то хотя бы значительную часть сограждан в том, что идеи свободы, *laissez faire*, минимизации государства – это хорошо.

– А потом?

– А потом мы начнём минимизацию государства!

– Подождите... Как? Вы же всё равно будете в меньшинстве. А при принятии политических решений действуют нормы демократии большинства (это если вам повезло оказаться в подходящей стране, а не в автократическом или плутократическом государстве).

Или вы рассчитываете всё же убедить большинство, что лучшая модель общества – либертарианская??

– Нуууу... Не надо так пессимистично смотреть в будущее! В любом случае, сейчас полезно заниматься распространением наших идей. Вот ведь и ты сам призывал делать это!

Знаете, важно признавать свои ошибки. Сегодня я уже не считаю, что пропаганда – это главное. У меня нет надежд на то, что словами удастся убедить значительную часть граждан какой бы то ни было страны, что свобода лучше государства.⁴

Есть ощущение, что в 2023 году открыто окно возможностей для реализации на практике идей свободы, идей либертарианцев, идеи панархии. Мир в хаосе. В Европе страшная война. По ней мигрируют сотни тысяч людей, и уже не только из стран «третьего мира». Политические системы государств – «столпов демократии» – находятся в идейном кризисе, их элиты натужно ищут выход из него. Экономические и гуманитарные последствия пандемии COVID-19 сказываются на цивилизации.

Думаю, сейчас нет необходимости кого-то ещё агитировать. В мире уже есть тысячи, десятки тысяч людей, которые готовы перейти к жизни без государства, жизни после государства. Надо это сделать, а те, кто питается иллюзиями этатизма, пусть продолжают кормить левиафана.

При реализации практического плана стоит исходить из нескольких предпосылок.

Ответственность инициатора

Важнейший принцип, который абсолютно игнорируется либералами.

За прошедшие годы мне часто приходилось слышать пуристские рассуждения следующего рода: «В свободном обществе каждый волен делать то, что ему угодно, следовательно, граждане, которые хотят жить под чужим диктатом, могут построить себе тюрьму, выбрать надсмотрщиков и наслаждаться рабством. Как сторонники свободы, мы не можем и не будем им мешать.»

Да, действительно, в обществе очень многие предпочитают отказаться от свободы и от ответственности за принимаемые решения. Это люди, получившие в ходе своего воспитания обширные навыки существования в сети патерналистских общественно-

⁴ Обоснование этого тезиса вы можете найти ниже, в финальной части 1 главы

политических отношений, которая действует по всему миру. Они не хотят эти отношения изменять. Им интереснее сосредоточиться на чём-то другом: на семье, занятиях искусством, наукой, спортом, просто наслаждении жизнью. Это их право, они свободны сохранить тот образ жизни, который им обеспечило поколение их родителей. Вам не кажется, что адепты свободы, желающие перейти от сегодняшней системы ограниченной свободы к свободе полной, должны обеспечить своим согражданам право «оставить всё как есть»?

Вместо этого мои знакомые либертарианцы говорят: «Мы сначала установим полную свободу, все вместе уйдём от патерналистской системы, где государство декларировало заботу о гражданах, в систему полной свободы, где никто не будет обязан ни о ком заботиться. А потом, если вы так любите рабство, можете вернуться обратно, создав снова патерналистские отношения с какими-нибудь опекунами». Что фактически означает: если вас на обратном пути обдерут как липку, то это ваша проблема.

Думаю, примерно так провалились либеральные реформы 1990-х годов в России.

К тому же сущностное свойство людей, ориентированных на патерналистские отношения, состоит в их слабой способности самоорганизоваться. Они не смогут «построить себе тюрьму», потому что никогда сами ничего не строили. Они могут быть хорошими наёмными работниками, но не предпринимателями. Это не значит, что первые хуже вторых, ибо в любом крупном сообществе нужны друг другу и те, и другие, причём первых нужно больше.

Инициатор любых общественно-политических изменений должен обеспечить возможность всем, кто изменений не хочет, сохранить такую систему отношений, что привычна и устраивает их. Только защитив право части людей «оставить всё как есть», он сможет спокойно создавать разнообразное новое, которое считает более правильным и удобным для себя. Инертное и пассивное большинство не будет иметь повода ставить ему палки в колёса. Причём весьма вероятно, что те, кто изначально не хотел изменений, позже увидят плюсы новой системы и захотят к ней перейти сами. Но нельзя тащить их туда насильно. Любое насилие, не санкционированное правоспособными гражданами при проведении либеральных реформ, похоронит такие реформы.

Вот почему систему правительственного многообразия правильнее всего было бы создавать путём отпощкования её сторонников от сегодняшней политической системы. Поясню подробнее, как это могло бы выглядеть.

Деление почкованием

В общественных науках подробно описано различие между разными членами общества по их готовности нести ответственность за свои решения и поступки.

Есть люди, которым хочется самим принимать все решения по поводу своей жизни, включая множество мелких технических. Они готовы подробно разбираться в каждом вопросе и сознательно выбирать из существующих альтернатив – будь то покупка продуктов питания, школьная программа, по которой учат их детей или расходование бюджетных средств, сформированных за счёт уплаченных ими налогов. Также эти люди готовы нести ответственность за сделанный ими выбор, ибо они уверены, что серьёзно не ошибутся.

Другие члены общества не хотят вдаваться в детали многих вопросов, стоящих перед современным человеком. Они предпочитают передать право принимать решения по этим вопросам другим людям, которым доверяют. Но, отдав другим право принимать решения, они успокаивают себя: у них осталось право спросить с этих уполномоченных за последствия принятых решений (другой вопрос, есть ли такая возможность на самом деле). Вместе с правом принимать решения они отдают и право распоряжаться значительной частью своих доходов, в отличие от представителей первой группы. Этот денежный вклад как бы позволяет им спрашивать со своих уполномоченных.

Первая описанная группа людей – это носители либеральной психологии, то есть те, для кого личная свобода в принятии решений важнее, чем страх ответственности за последствия этих решений. Вторая группа – это носители патерналистской психологии, то есть те, для кого вполне комфортным является существование под частичной опекой неких лиц, которые ограничивают свободу человека во многих неинтересных ему областях (таких, как политика, к примеру), но и освобождают его от ответственности за события, которые в этих областях последовали в результате его действий или бездействия.

Сегодня и российская, и практически все известные политические системы отчётливо выстроены под людей с патерналистской психологией. Уровень налогообложения везде достаточно высокий, хотя отличается в разных странах. Правительства регламентируют жизнь своих граждан почти во всех сферах – от организации семейной жизни до порядка создания предприятий и от норм содержания ингредиентов в продуктах питания до права безнадежно больных добровольно уйти из жизни. Это означает, что представители патерналистской психологии живут при более-менее том уровне опеки, который им комфортен. Конечно, эта система работает с многочисленными недостатками в силу монополизации государством права на насилие.

Новая идея (правительственного многообразия) когда-нибудь позволит обеспечить конкуренцию между подобными правительствами, предлагающими патерналистские условия жизни, и тогда массивные управленческие системы начнут совершенствоваться, чего никак не добиться сейчас. Но если мы говорим про первый этап перехода, то он не должен коснуться граждан, ориентированных на патернализм. Первыми в новую систему могут начать переходить «либералы», то есть граждане, готовые принимать все решения сами и нести за них ответственность.

Идея «деления почкованием» заключается в том, чтобы ориентированные на свободу плюс ответственность граждане начали формировать новые экстерриториальные сообщества и правительства, основанные на либеральных принципах, и выходить из юрисдикции сегодняшних монопольных правительств, сформированных на основе процедур демократии большинства. Появление первого, второго, третьего конкурирующих между собой «либеральных» правительств, к которым начнут уходить наиболее смелые и активные члены общества, будет начальным этапом создания реально функционирующей системы правительственного многообразия. Опыт первых «либеральных» альтернативных правительств позволит через несколько лет создавать альтернативы уже и патерналистскому правительству той или иной территории, под опекой которого на первом этапе перехода будет оставаться подавляющее большинство граждан. Тогда преимуществами честной конкуренции политических программ сможет начать пользоваться всё общество.

Подготовка правовой инфраструктуры

Выходу первых граждан из юрисдикции сегодняшних территориальных государств должна предшествовать длительная и очень тщательная подготовка. До того, как пионеры новых политических отношений подпишут соглашения с независимыми правительствами, эти правительства должны будут создать мощнейшую линейку договоров с существующими властями по всем вопросам, которые могут возникнуть в дальнейшем.

Если новое правительство рассчитывает создать свои суд, полицию, систему образования, то они должны уже начать работать, и только потом можно допускать появление первых граждан, которых эти учреждения будут обслуживать. Если какие-то элементы системы нового объединения пока не готово сформировать, то у него должен существовать очень аккуратно составленный договор с каким-то из существующих территориальных правительств (или с частными агентствами) об использовании их возможностей и о порядке оплаты их услуг.

Первые шаги

С чего следовало бы начать прямо сегодня? С формирования первых сообществ, которые станут пробивать стену политической традиции современного мира. Людей, следующих принципам либертарианства, анархо-капитализма, панархии, полиархии на свете десятки тысяч. Часть из них уже объединены в сообщества, бьющиеся за признание своего суверенитета, или даже занимаются реализацией практических проектов: поселений, автономных городов, виртуальных государств. Формирование экстерриториальных сообществ со своими правительствами может происходить в дополнение к уже существующим практикам, не отменяя, но «достраивая» их, добавляя возможность взаимодействовать с другими по всему свету и во всём виртуальном пространстве.

Важно, чтобы каждое сообщество было максимально однородным с точки зрения понимания принципов своего внутреннего взаимодействия. В идеале – способность принимать большинство политических решений консенсусом. Только в таком случае правительство, которое станет представлять это сообщество во внешних взаимодействиях, будет обладать наиболее сильной переговорной позицией на внешнем контуре. Сегодня очень часто бывает так: политик или государственный деятель серьёзными усилиями, лавированием и уступками добивается более-менее приемлемого договора с другими политиками или представителями других государств. А после этого он возвращается к избирателям в своей стране или в своей партии, среди которых много тех, кто на последних выборах голосовал против него и совсем не желает ему успеха. Такие избиратели и конкуренты по политической борьбе начинают критиковать достигнутые хрупкие договорённости, что делает их имплементацию весьма сложной. Политикам постоянно приходится разрываться между популистскими требованиями своих избирателей и сложными компромиссами в переговорах с внешними силами.

В системе правительственного многообразия количество сообществ не будет принципиально ограничено, и граждане с различными взглядами смогут разойтись по разным сообществам, выдав своим представителям более сильный мандат. Вернувшемуся с переговоров с «внешним миром» представителю сообщества не придётся спорить со своими доверителями о правильности использованных им подходов, так как они в одном сообществе у всех близки. Разве что придётся доказать, что лучших условий по данному вопросу было не добиться, но это задача менее сложная.

При подобном подходе две основные группы либертарианцев – минархисты и анархо-капиталисты – сформируют свои отдельные сообщества, что положит конец их вечным спорам. Считаешь, что совсем без государства никак, что минимальное налогообложение со стороны «ночного сторожа» необходимо? Вступай в сообщество минархистов. Уверен, что налогов вообще не должно быть, а все общественные услуги следует получать на основе страхового принципа или краудфандинга? Присоединяйся к анархо-капиталистам. Далее эти сообщества будут конкурировать между собой, пытаясь собственной историей успеха привлечь новых участников в свой состав.

То же и со сторонниками более широкого круга общественно-политических идей. Классические либералы, сторонники электоральной демократии, смогут создать сообщества, в которых выборы будут предельно честными и чистыми. Те из них, кто верит при этом в своего харизматичного лидера, не обязаны объединяться с другими, испытывающими к данному лидеру (или вообще к любым ярким политикам) стойкую неприязнь. В конце концов, афинская демократия времён Перикла отдавала ему фактическую власть на протяжении полутора десятилетий, а в британской или американской демократии XIX – XX веков были долгие периоды без ярких лидеров.

Наконец, самые искренние сторонники левых идей тоже смогут воплотить свои идеалы, создав автономные суверенные сообщества на основе принципа экстерриториальности. Это могут быть чистые коммуны, в которых будет ликвидирована частная собственность на средства производства и минимизирован объём личного имущества. Могут быть социал-демократии с высокими налогами, сильными профсоюзами, массивными государственными службами и агентствами. Кто знает, вдруг им удастся построить эффективные сообщества, собрав туда адептов сильного интервенционистского правительства? Хотя более вероятно, что на первом этапе идеей формирования суверенных экстерриториальных сообществ они не заинтересуются. Скорее, первыми строителями системы правительственного многообразия будут почти исключительно сторонники идеологий, требующих высокой личной и экономической свободы.

План действий для 2023 года

1.

Сначала надо создать группы в виртуальном пространстве. Понимаю, что это звучит слишком прозаично. Всем хочется, конечно, десантироваться на брошенную морскую

платформу в нейтральных водах, воткнуть посередине красивый флаг и назавтра уже принимать верительные грамоты у послов США и Китая. Но поедать слона придётся, как всегда, по маленьким кусочкам, упорно и долго.

Основой для формирования этих сообществ может быть и какая-то существующая виртуальная среда, и специально созданная. Возможно, следует начать в готовой социальной сети, параллельно выстраивая свою собственную.

2.

Первой содержательной задачей станет правильное размежевание. Напоминаю, что для эффективного функционирования важно, чтобы в каждом сообществе были люди, максимально близкие друг другу по своим взглядам на внутреннюю организацию. Если в сообществе обнаруживается существенное разногласие по поводу того, на что стоит скидываться («налоги»), какие подходы использовать в отношении необходимой защиты своих участников, как физической, так и социальной, и так далее, то лучше сразу разойтись на соответствующие подгруппы.

Надо не забывать, что у более крупных сообществ лучше шансы на выживание. Они могут аккумулировать более существенные средства на реализацию своих проектов, они могут готовить из своего состава или нанимать более сильных управленцев и переговорщиков для взаимодействия с другими сообществами. Когда разногласия не столь серьёзны, что их носители готовы уменьшить потенциальную силу своего объединения, то распада не произойдёт. Баланс центробежной и центростремительной сил позволит сформировать адекватный набор сообществ.

3.

Следующая задача – это создание всевозможных внутренних регламентов. Фактически, внутренней «конституции» или системы «конституционных законов». Порядок принятия решений разного масштаба, выборов своих правительств и уполномоченных, порядок определения внутреннего бюджета и его наполнения доходами, порядок приёма и выхода из состава сообщества.

Каждому сообществу будет полезно оформить собственную «декларацию принципов», которая станет его визитной карточкой и идеологическим фильтром при принятии в состав новых участников. Здесь будет уместно отметить, что в системе правительственного многообразия не будет никакого «права вступить в любое сообщество» для любого гражданина. Наоборот, каждое сообщество, дабы сохранять свою идентичность

и стабильность, будет очень внимательно рассматривать каждую кандидатуру на вступление и отказывать при наличии сомнений. Кандидат будет вынужден доказывать сообществу, что он соответствует его требованиям и принципам, лежащим в его основе, что может быть полезен для укрепления этих принципов. Вот почему у любого сообщества должна, по идее, появиться такая «Декларация (независимости и) принципов».

Ещё один гигантский блок регламентов – это аналоги уголовного, административного, гражданского, процессуальных кодексов, существующих в традиционных государствах. У либертарианцев эти документы могут оказаться гораздо более лаконичными, чем в массивных патерналистских государствах, но они должны быть обязательно созданы (или заимствованы) и протестированы. Сюда же примыкает необходимость создать и протестировать систему судебных разбирательств. Как выбирать частные суды для рассмотрения возможных будущих исков? Как будет проходить сам процесс?

4.

Очередной этап – это создание процедур и документов, регламентирующих взаимодействие сообществ между собой (аналог сегодняшних международных отношений). Как строить отношения при осуществлении финансовых, производственных, бытовых взаимодействий между физическими и юридическими лицами – представителями разных сообществ? Вопрос, на который мне приходилось часто отвечать: «Что если клиент одного правительства украл что-то у клиента другого правительства, а наказание по этому преступлению в двух юрисдикциях отличается?»

Такие ситуации не являются неразрешимыми, более того, эти решения проще, чем может показаться читателю, который впервые об этом задумался. Но в любом случае точный алгоритм должен быть прописан заранее в межправительственных соглашениях. Тогда спорные ситуации в отношениях представителей разных сообществ (клиентов разных правительств) не будут приводить к масштабным конфликтам.

Для подготовки таких соглашений каждое сообщество должно будет провести выборы своих представителей на основе тех регламентов, что они разработали на предыдущем этапе. Эти представители станут «дипломатами» суверенных экстерриториальных сообществ, на чьи плечи ляжет нелёгкая задача договариваться с носителями других идеологий. «Полномочным послам» придётся постоянно заниматься тем, чего будут лишены их доверители внутри сообщества (и что сделает жизнь последних

гораздо проще). Но и сами сообщества должны будут предварительно обсудить те переговорные позиции, с которыми их «дипломаты» будут отправляться на переговоры с внешним миром. Такие «наказы» или даже подготовленные проекты соглашений стоит выработать силами всего сообщества.

5.

Далее: создание соглашений, альянсов и консорциумов с другими правительствами. Многие сообщества, наряду с отличиями, будут иметь идентичные подходы к решению широкого круга вопросов. Допустим, в области регулирования экономической деятельности взгляды минархистов и анархо-капиталистов могут оказаться одинаковыми. Тогда им будет выгоднее создавать единую систему регистрации предприятий (она понадобится для взаимодействия этих предприятий с экономическими агентами нынешних традиционных государств). За счёт эффекта масштаба им удастся сэкономить. А вот в сфере налогообложения системы минархистов и анархо-капиталистов, скорее всего, окажутся разными, и каждое сообщество будет строить свою систему финансирования внутренних задач.

Аналогичная возможность оптимизации, скорее всего, появится в части создания судебной системы. Всем сообществам будет полезно наличие независимой системы судебного рассмотрения спорных вопросов, в которой каждый судья будет формировать свою личную репутацию и получать клиентов на её основе. Сообществам нет необходимости формировать свои собственные внутренние коллегии судей. Подойдёт единая база судей, обслуживающих все сообщества, вышедшие из юрисдикции территориальных государств.

Такие совместные инструменты должны также быть сформированы и обеспечены финансированием заранее, а об этом надо договариваться на стадии проектирования своего суверенитета.

б.

Деловые игры.

Все созданные проекты документов, процедур, систем взаимодействия следует протестировать. То, что представляется работоспособным на бумаге, зачастую разваливается при попытке осуществления на практике. Самым простым и хорошо известным методом проверки моделей является деловая игра.

Участники сообщества будут расписывать между собой роли и моделировать разнообразные ситуации, которые могут возникнуть при их функционировании. Это может быть всё: от приёма нового участника в состав до спора по вопросу о подписанных «дипломатом» соглашений с другими сообществами (имел он полномочия или нет). От вопросов, связанных с задержкой уплаты «налога», установленного сообществом, до частных конфликтов между участниками.

Точно так же необходимо моделировать и «разыгрывать» всевозможные ситуации, которые могут в будущем возникать во взаимоотношениях сообществ по самым разным вопросам. Чем больше кейсов будет проработано, тем больше ошибок и «узких мест» удастся обнаружить, скорректировав договорную базу.

По результатам деловых игр вносятся коррективы, и на следующий круг. Это очень объёмная работа, но пропустить её могут только безответственные люди.

7.

Более сложной и ещё более масштабной окажется задача стыковки системы суверенных экстерриториальных сообществ с ныне существующей системой территориальных государств. Понятно, что им мы не нужны, поэтому нам придётся совершенно самостоятельно разработать все процедуры и механизмы такой стыковки, а потом уже выходить на контакт с конвенциональными правительствами, доказывать и убеждать, что всё это: а) возможно, б) не опасно, в) полезно не только для нас, но и для них.

Прежде чем начать общение с традиционными государствами по вопросу о признании новых юрисдикций, надо составить весь список вопросов и тем, которые требуется проработать. Самим подготовить соглашения и регламенты, думая за себя и «за того парня». При такой подготовке снова пригодятся деловые игры, в ходе которых кто-то из сторонников свободы и индивидуальной сецессии возьмёт на себя роль представителей конвенциональных правительств и будет отстаивать их интересы в ходе симуляции подобных переговоров.

Также в ходе деловых игр предстоит тестировать разнообразные практические жизненные ситуации, которые можно ожидать в ходе взаимодействия суверенных экстерриториальных юрисдикций и традиционных государств.

Только после окончания разработки всей системы документов, после их проверки (понятно, что в дальнейшем будут обнаруживаться «белые пятна», но на старте их число нужно постараться минимизировать), после того как появятся результаты «краш-тестов»

данной системы в ходе многочисленных деловых игр, можно будет переходить к решению следующей титанической задачи: легитимация и легализация суверенных экстерриториальных сообществ в нынешней международно-правовой системе.

Легитимация сообществ

Это вопрос, который очень заботит почти всех, с кем мне на протяжении 15 лет приходилось обсуждать идею экстерриториальных суверенных юрисдикций. И, не услышав ответа на свой простой вопрос: «В каком окошке выдают регистрационные свидетельства на государства?» – собеседники снисходительно машут рукой и с улыбкой удаляются: «Я так и знал: ты утопист!»

Нет такого окошка, представьте себе! И я его не обещаю. Но я знаю, как работают политические и государственные системы, знаю законы психологии чиновников и политиков. Не могу сейчас сказать, кто именно пойдёт нам навстречу и где конкретно поддержат идею суверенных сообществ. Стоит пробовать, стоит заходить в десять, пятьдесят, триста пятьдесят дверей. Рано или поздно нужные люди найдутся и начнут нам помогать.

Одно из основных возражений, которое приходилось слышать, примерно таково: «Индивидуальная сецессия и суверенитет создаёт очень серьёзную угрозу территориальным государствам, этим “стационарным бандитам”, это опасный прецедент. ОНИ НИКОГДА НЕ ПОЗВОЛЯТ ТАКОГО СДЕЛАТЬ!» (То, что выделено капслоком, я слышал за 15 лет, наверное, сотни раз.)

Это ошибочное понимание сути «государства» и природы чиновников.

Вышеупомянутое мнение опирается на волшебное и древнее предположение о «государстве» как том самом Левиафане, едином организме с одним мозгом, который одновременно контролирует и знает всё, что происходит во всех местах, куда дотягиваются его щупальца. Этот Левиафан будто бы постоянно сосредоточен на своей «главной цели» – держать людишек под контролем и не давать им свободы. А ещё он очень умный, дальновидный и все угрозы может просчитать наперёд. Поэтому, если только он увидит, что мы начали воплощать в жизнь замечательную идею выхода 5% самых активных и свобододолюбивых граждан из-под его ига, то тут же обрушится на нас всей своей силой и уж точно никак не позволит легализовать суверенный статус возникших сообществ.

В реальности всё не так. Нет никакого Левиафана. Нет даже маленького левиафанчика. Есть чиновники, есть взявшие власть политики, каждый из которых является земным человеком без сверхспособностей. Если несколько таких людей, в чём-нибудь талантливых, создают свою агрессивную группу, союз по захвату и удержанию власти, то они получают шанс контролировать целую страну. Но всё равно они не могут знать всё, видеть всё, просчитать всё, что происходит и будет происходить в ней. К тому же, их власть постоянно пытаются оспорить конкуренты, такие же алчущие власти субъекты. Когда их борьба с конкурентами идёт по традициям диких времён, то такая властная группа стремится устроить в данной стране диктатуру, установить авторитарную систему управления. Если всё более культурно, и борьба с конкурентами идёт в соответствии с «демократическими нормами», то самым сильным инструментом в их арсенале оказывается популистская риторика и манипуляция избирателями. Но и в том, и в другом случае в системе есть «зазоры», в которые можно проникать.

Конечно, в авторитарной системе таких зазоров мало, а последствия от неверной оценки властями мнимых угроз более фатальны для тех, кого они заметили и решили прихлопнуть. Поэтому реальные перспективы легализации связаны со странами, где действуют нормальные правовые политические системы («демократии»), где идёт активная межпартийная борьба в информационном поле.

В какой-то момент той или иной политической силе в какой-то из стран окажется выгодно поддержать экстерриториальные сообщества в их стремлении к независимости, к признанию своей особенности, своей уникальности и своеобразия. Надо начинать пробовать, стучаться в разные двери. Мне сложно сейчас описать все те десятки возможностей и дверей, в которые надо пробовать войти. Но результат будет – об этом говорит общественная наука, которой я занимаюсь больше трёх десятилетий.

Систему можно хакнуть, надо тщательнее искать её баги.

Взлом кода

Могу намекнуть, какие зазоры в системе следует искать в первую очередь. И как. Конечно, выдавать полный алгоритм взлома системы в публичке нельзя – найдутся идеологические противники свободы из числа леваков, которые по собственной инициативе примутся заделывать щели в теле традиционной политической системы, позволяющие нам выйти за её рамки.

1. Существует множество политических движений, которые борются за права всевозможных притесняемых меньшинств. В течение последних десятилетий эти движения значительно усилились, они стали едва ли не самыми влиятельными в наиболее успешных странах мира. Мы, строители суверенных юрисдикций, тоже в каком-то смысле являемся угнетённым меньшинством. Мы хотим реализовать своё право на существование, а без выхода в виртуальное правовое пространство этого не добиться. Общаясь с конвенциональными защитниками меньшинств, встроившимися в европейскую и американскую политические среды, можно рано или поздно найти таких, кто будет готов выступить в защиту наших прав. При их помощи идеи, связанные с возникновением экстерриториальных юрисдикций, можно ввести в политический дискурс стран «Запада». Это позволит и расширить свою аудиторию, продолжая рекрутинг в состав сообществ в новом масштабе, и приучать конвенциональных политиков обсуждать саму тему индивидуальной сецессии и экстерриториальных юрисдикций.

2. Другая возможность связана с тем, что сообщества, которые мы сформируем, будут естественным образом наполнены наиболее активными, изобретательными, предприимчивыми людьми. Теми, кто не склонен искать поддержки со стороны государственных органов, а наоборот, желает от них максимально дистанцироваться. Такие концентрированные выборки людей окажутся очень полезной живой «закваской» для формирования зон экономического роста, ежели в некоем государстве политические власти захотят придать своей стране импульс развития, попытавшись опередить конкурентов. Наши сообщества станут привлекательным инструментом в руках таких политиков.

Несмотря на врождённое стремление территориальных государств контролировать всё и вся, среди двух сотен стран мира всегда существует несколько таких, где у власти оказываются неплохо образованные и передовым образом мыслящие политики. Пока их не испортила зараза этатизма, они могут пробовать учредить территории опережающего развития, изолируя их от остальной страны и создавая там благоприятные для бизнеса условия. Как? Уменьшая регулирование, налогообложение, контроль. Это именно те обстоятельства, которых ищут сторонники свободы.

Люди, объединившиеся в экстерриториальные сообщества, могли бы быть наилучшими резидентами таких зон развития в разных странах (конечно, не физическими, а юридическими резидентами, хотя желающие могут и физически туда переехать). Политикам этих стран, которые хотят привлечь инвесторов, весьма удобно не искать их по

всему свету, а иметь дело с сообществами, где нужные им люди уже сконцентрированы. Однако надо понимать, что базовый гражданский статус участников таких объединений может препятствовать их лёгкому заходу в новую для них страну. Будь такой человек гражданином Сирии, Китая, Пакистана, Грузии, Намибии, Колумбии или России, его благонадёжность будет вызывать вопросы у специальных служб той страны, которая хочет привлечь инвесторов и резидентов в зону опережающего развития.

В этой ситуации экстерриториальные сообщества (если не все, то хотя бы некоторые из них, поставившие перед собой такую задачу) могли бы стать своего рода комплаенс-агентствами. Сообщество может тщательным образом проверять всех, кто в него вступает, на предмет чистоты его предшествующей биографии, прозрачности происхождения всех активов, которыми кандидат владеет. Получение идентификационного документа такого сообщества будет означать, что этот человек прошёл проверку и признан приличным, честным гражданином без вопросов к его прошлому. В свою очередь, само сообщество, которое встанет на такой путь, будет заинтересовано в формировании своей репутации, а потому не допустит в свой состав людей, хоть чем-то себя запятнавших.

Несколько лет активной информационной кампании со стороны группы подобных сообществ сделают их привлекательными партнёрами для правительств территориальных государств, желающих дать импульс депрессивным регионам на своей территории. Вести переговоры с правительством такого «отборного» сообщества удобнее, чем с сотнями предпринимателей, разбросанными по разным странам мира и требующими широкого охвата промо-мероприятиями. Вместо того, чтобы ездить по десяткам инвестиционных выставок в разных концах света, правительство, создающее зону опережающего развития, может начать переговоры с экстерриториальным сообществом, и его участники по итогам таких переговоров зайдут на территорию, начав реализацию своих бизнес-планов. Для правительства этой страны будет удобно, что операторы новых проектов уже прошли проверку честности и благонадёжности. Нормально заработает институт репутации. Сегодня он постоянно проваливается из-за «всеобщих прав всех людей на всё», которые декларируются на основе современного толкования прав человека, а по факту позволяют жуликам, проходимцам и бездельникам использовать «права человека» в своих сугубо эгоистических целях.

Готовность территориальных правительств видеть экстерриториальные сообщества в качестве партнёров по переговорам даст им возможность требовать признания в качестве

суверенных юрисдикций, и рано или поздно такое признание произойдёт. Для конкретных политиков, занимающихся развитием депрессивных регионов в своих странах, важно решить именно эту задачу. Они не стремятся уберечь воображаемого Левиафана от угроз со стороны микроскопических по сравнению с ним сообществ. Поэтому есть все шансы на то, что среди 200 территориальных государств мира рано или поздно найдутся первое, второе, третье, что будут готовы установить двусторонние отношения с экстерриториальными сообществами и их правительствами. Это будет моментом взлома кода и начала проникновения новых принципов внутрь Вестфальской системы территориальных государств.

Сроки реализации

Говорить о конкретных сроках создания системы суверенных экстерриториальных сообществ было бы крайне безответственно. С другой стороны, коснуться этой темы нужно.

В качестве ориентира предлагаю определить 2030 год – именно он зашифрован в названии второго издания книги. Темпы изменений, происходящих в современном мире, позволяют надеяться, что за 7 лет удастся:

- сформировать несколько десятков активных экстерриториальных сообществ,
- запустить работоспособную систему их внутренней жизни и внешних взаимосвязей,
- объединить их усилия для самопрезентации в международной политической среде,
- добиться их признания со стороны нескольких традиционных территориальных государств,
- начать активно взаимодействовать с этими продвинутыми государствами, формируя историю успеха симбиотического сотрудничества свободных сообществ с патерналистскими общественными системами.

Такой результат представлялся бы мне более чем прекрасным.

Тем, кого идея правительственного многообразия захватит, следует прямо сейчас развернуть спокойную и упорядоченную деятельность, направленную на системную разработку практических моделей. Убеждённость и терпение в реализации плана на протяжении нескольких лет: только так можно добиться успеха.

ГЛАВА 1, теоретическая (3 часть),
из финала которой можно понять,
зачем вообще понадобилось придумывать что-то новое
вместо привычной «демократии»

Далеко не всем приверженцам идей свободы нужно доказывать, что во многих странах и культурах не работают либеральные политические принципы, воплощённые во всеобщем безусловном избирательном праве на основе демократии большинства. Да, многие из вас готовы рассматривать идеи либертарианцев, панархистов, опуская критический анализ классической либеральной демократии. Но всё же большинство прозападных политиков и активистов не хочет пробовать новые формы политической организации, когда, по их мнению, вполне работают привычные, знакомые по странам Западной Европы и Северной Америки. Вот именно для них здесь в конце книги – третья часть первой, теоретической главы, где я тезисно покажу, почему классическая либеральная демократия буксует и должна быть расширена на основе принципов панархии, то есть путём создания суверенных сообществ, обладающих экстерриториальной юрисдикцией.

Как правило, в ходе споров вокруг построения демократических политических систем в постсоветских странах основной дискурс прозападных спикеров выглядит примерно так:

– Просто нужно добиться, чтобы в стране работали институты демократии. Они должны функционировать так же, как на Западе, и всё получится. Нужно обеспечить свободу слова, верховенство закона, разделение властей, существование независимого суда, сменяемость власти. Когда это появится, то в любой проблемной стране установится такой же эффективный режим, как в США, Великобритании, Франции или Швейцарии.

Звучит великолепно, но мы не имеем ответа, почему в десятках стран это «простое» решение не удаётся реализовать уже много десятилетий. Как правило, на это возражение у либеральных демократов тоже есть ответ:

– Прежде всего, надо заниматься политическим просвещением граждан. Когда население станет более образованным в части своих прав, то оно потребует от властей

отчёта. Потребуется выстроить такие политические институты, которые смогли создать простые граждане на Западе. Или вы считаете, что народы бывшего СССР глупее западных?

– Но почему в течение тридцати с лишним лет две трети стран, возникших на месте Советского Союза, не могут политически просветиться и построить у себя эффективную конкурентную систему власти?

– Наверное, мы плохо работаем! Плохо рассказываем гражданам о демократии. Ну и потом, не всё происходит быстро. Надо подождать. Моисей 40 лет водил народ по пустыне...

Я уверен, что это плохой ответ. У меня есть другое объяснение.

Давайте представим себе, что привычная нам картинка «либеральной демократии» (те самые свобода слова, верховенство закона, разделение властей, независимый суд, сменяемость власти) является только «верхушкой айсберга». Давайте представим себе, что в эффективных конкурентных политических режимах существует что-то ещё, что появилось там в ходе многовекового процесса политической борьбы и политического строительства. Западная Европа прошла от заскорузлой сословной системы Средних веков, от начал Хартии вольностей через хаос эпохи Возрождения и раннего Нового времени, через Английскую революцию и Тридцатилетнюю войну к Вестфальскому миру 1648 года. А потом – через идейные прорывы Просвещения, кровь Американской и Французской революций, фантазии германского романтизма к трагедиям Первой и Второй Мировых войн. И только после всего этого, лишь в прошлом веке «цивилизация Запада» смогла отказаться от американского рабства и сегрегации, от расистских взглядов широких кругов британских элит (включая некоронованного монарха 1936 года), смогла преодолеть итальянский фашизм и германский нацизм. Лишь с середины XX века политические системы «Запада» стали образцом для стран «догоняющей модернизации».

Может ли быть такое, что книжные модели «либеральной демократии» упускают что-то важное, что предвещает возникновение хорошо известных политических институтов? Я уверен, что это именно так.

Посмотрите, какую последовательность наблюдений, относящихся к нескольким общественным наукам, я вам предложу и подумайте, объясняет ли она то, что вы сами знаете из глубокой и недавней истории. В конце этой логической цепочки я открою, чего, на мой взгляд, не хватает во всем известной модели «либеральной демократии».

Каждый из тезисов, которые следуют ниже, требует полновесной научной статьи с обоснованием, и я намереваюсь позже их представить по отдельности или в виде сводной книги. Эта работа потребует нескольких лет, а сейчас излагаю их в форме выводов из своего опыта работы в области практической политики и государственной деятельности.

I. Психология

Каждый взрослый человек имеет разнообразные предпочтения в самых разных сферах своего бытия, и большинство предпочтений практически не меняются в течение жизни.

II. Социальная философия

Современный человек живёт в мире огромной свободы выбора, разнообразия опций (если сравнивать с предыдущими эпохами, до XIX века). Человек может выбирать из множества товаров, услуг, способов времяпровождения. На него обрушивается непрерывный поток информации и вопросов: что предпочесть из существующих вариантов? В такой ситуации наиболее дефицитным ресурсом становится ВРЕМЯ. Это важнейший, ключевой параметр современности, и дефицит данного ресурса для многих становится более острым, чем даже дефицит денег. Большинству людей не хватает времени на то, чтобы успеть всё, что хочется. Работа, семья, хобби, общение с родственниками и друзьями, образование, забота о здоровье, спорт, путешествия, книги, соцсети, телесериалы, отдых на диване... Приходится постоянно выбирать, на что время тратить, а от чего отказаться. В этой ситуации человек следует установившимся лично у него предпочтениям (см. I.)

III. Политическая психология

Среди прочего, человек вынужден решать, готов ли он выделить существенное ВРЕМЯ на постижение политики и участие в ней, отказавшись от многих других возможных интересов своей жизни. Является ли для него приоритетом изучение политической философии, политических идеологий, программ политических партий? Готов ли он знакомиться с политической историей своей страны и всей цивилизации, биографиями политических деятелей прошлого и современных политиков? Будет ли он принимать участие в работе низовых политических организаций, читать и сравнивать выступления разных политических деятелей, приходить на встречи с политиками и задавать им умные вопросы? Готов ли он разбираться в технологиях пропаганды, чтобы избежать её воздействия на свой политический выбор? Станет ли он глубоко знакомиться с точкой

зрения всех политиков, их критикой друг друга, чтобы сравнить аргументы и принять своё личное решение о том, кому из них верить? Хватит ли у него мотивации на то, чтобы, услышав приятный уху лозунг из уст политика, потратить время на изучение всей темы в комплексе, на то, чтобы разобраться, найдутся ли ресурсы для выполнения яркого обещания, и от чего придётся отказаться, чтобы его выполнить?

Ответив себе на эти вопросы (как правило, подсознательно), одни люди начинают глубоко интересоваться политикой и тратить на неё существенную долю своего времени, другие предпочитают более интересные для себя занятия, а о политике судят по обрывкам сведений в информационном поле, по навязчивым пропагандистским сообщениям со стороны СМИ и активных политиков.

IV. Политическая социология

Данные многочисленных исследований показывают: большинство людей не готово тратить хоть сколько-нибудь существенное ВРЕМЯ на изучение политики. В постсоветских странах самый популярный ответ социологам на политические вопросы: «Мы политикой не интересуемся». При этом право голоса на выборах у всех этих людей есть.

V. Экономическая социология

В любом обществе есть люди, которые умеют завоевать доверие других людей и при этом обладают невысоким уровнем моральных требований к себе. Они считают себя вправе заниматься мошенничеством, обманом, манипуляциями. Они считают, что так как не используют насилие, а обманутые добровольно отдают деньги или имущество, то ущерб – это вина самих жертв. Им надо было бы быть более бдительными.

В отличие от них, среднестатистические граждане считают таких манипуляторов жуликами.

Такие манипуляторы сделали жульничество основным или существенным источником своих доходов, оно стало частью их образа жизни. Они держатся за возможность жульничать, при этом не считают, что совершают что-то предосудительное.

VI. Политическая социология

Часть таких жуликов применяют свои навыки и способности в политической сфере. Они используют политические инструменты и манипулируют теми самыми гражданами, что решили не тратить ВРЕМЯ на подробное изучение политики, вследствие чего они не умеют противостоять манипуляциям и обману. Зато у них есть избирательное право, что делает их очень привлекательным объектом для манипуляции.

Будем далее называть жуликов в сфере политики трикстерами.⁵

Трикстеры используют манипуляцию наивными гражданами для избрания на политические должности, для получения должностей в системе органов власти. Затем они либо бездельничают, получая приличные зарплаты чиновников, либо активно действуют как коррупционеры, воруют бюджетные средства.

VII. Политическая психология

Если человек не освоил, не постиг политику выше некоего минимального уровня, он может быть легко подвержен манипулированию со стороны тех, кто владеет соответствующими техниками (трикстеров).

Человека, который не хочет тратить ВРЕМЯ на политику, как правило, не убедить начать это делать. При этом, сталкиваясь с возможностью распорядиться своим голосом на выборах или с возможностью проявить свою гражданскую принадлежность в иной форме, он ищет простых ответов на сложные вопросы. А простые ответы на сложные вопросы, как правило, являются главным средством в руках жуликов-трикстеров. Аполитичный гражданин, как следствие, часто бывает с лёгкостью обманут, причём он позволяет обманывать себя на постоянной основе, годами и даже десятилетиями. Искушённые трикстеры умеют объяснить, почему достигнутые ими результаты отличаются от обещанных, и кто именно в этом виноват (конечно, не сам трикстер, а обстоятельства, политические соперники, враждебные силы других стран и всемирный тайный заговор).

VIII. Политическая социология

Мой собственный опыт работы на выборах в течение 15 лет, а в общественно-политической сфере в целом в течение 30 лет показывает: примерно 90% граждан не выделяет на изучение политики достаточно ВРЕМЕНИ, чтобы разобраться и суметь защитить себя от манипуляций со стороны трикстеров. Убедить их в том, что без серьёзного изучения политики они будут жертвами манипуляций, не удаётся. Они полностью уверены в том, что ими никто не манипулирует, что они обладают необходимыми знаниями, что используемые ими источники информации достоверны и не требуют дополнительной проверки.

Наряду с ними, в обществе есть меньшинство (примерно 10%), которое тратит на изучение политики значительное ВРЕМЯ, они серьёзно ею занимаются и, как следствие, защищены от манипуляций. Как бы ни пытались к ним подступиться трикстеры, такие люди

⁵ Trickster (англ.) – обманщик, ловкач

легко тех разоблачают. Тем не менее, из-за своей малочисленности они не играют серьёзной роли в политических системах, основанных на всеобщем безусловном избирательном праве в рамках демократии большинства. Получается, что они тоже оказываются жертвами трикстеров, ведь законы в демократии большинства принимают для всех. Налоги платят все, из этих общих денег забирают свою «законную долю» трикстеры, захватившие управление в государстве.

IX. Политическая психология

Такое бессилие снижает мотивацию искушённых граждан к изучению политики, ведь многие знания только увеличивают их печали. Тебя самого не могут обмануть, но манипулируют окружающим большинством, и ты всё равно вынужден подчиняться жуликам. Уж лучше потратить ВРЕМЯ не на политику, а на что-то личное.

Таким образом возникает естественный барьер на пути расширения числа интересующихся политикой граждан.

Вместе с тем, почти все искушённые в политике граждане убеждены: для противостояния манипуляциям надо убедить оболваненное трикстерами большинство, что тем следует серьёзнее изучать политику. Но оболваненное большинство их не слушает (см. VIII).

X. Политическая социология

Наконец, третьей группой общества, совершенно отдельной и требующей специального внимания, являются сами трикстеры, выбравшие сферой своей деятельности политику, а источником заработка – нежелание большинства граждан интересоваться ею.

Для того, чтобы осуществлять адекватный анализ политического процесса в современном мире и в недавней политической истории, следует выделить и начать изучать общественную группу, которая ранее не привлекала внимания социологов. Это люди, которые умеют зарабатывать с помощью политического манипулирования и которые сделали данный способ заработка основным для себя. Они представляют социальную страту, которую можно назвать **кастой трикстеров**.

XI. Политическая история

С конца XVIII – начала XIX века во Франции, США и ряде других стран происходила стремительная политическая эмансипация, то есть расширение избирательного права на всё более широкие круги населения. Раньше вовлечены в политический процесс были только представители высших классов сословного общества, а также обладатели крупных

капиталов, чьи возможности позволяли тратить значительное ВРЕМЯ на изучение политики и на участие в политическом процессе. После расширения избирательного права голосовать смогли владельцы мелкой собственности и бизнесов, фермеры и розничные торговцы, ремесленники (а несколькими десятилетиями позже и вообще все граждане, в своей массе – наёмные работники). Их образ жизни требовал полностью отдаваться каждодневному труду. У них не было ВРЕМЕНИ изучать политические нюансы, они были готовы тратить на принятие политических решений лишь минимальное его количество.

Возникновение избирательного права у сильно занятых ежедневным трудом граждан позволило трикстерам захватывать контроль над умами таких людей. Трикстеры стали использовать формальные институты демократии большинства, а именно всеобщее безусловное избирательное право и равенство всех граждан перед законом для манипуляции неискушённым большинством избирателей. Трикстеры стали постепенно захватывать рычаги власти в передовых странах, расширять функции государства, повышать налоги и изымать всё больше ресурсов как у наивного большинства граждан, так и у искушённого меньшинства, которое имело всё меньше возможностей влиять на политический процесс.

ХII. Политология

Опыт политического управления показывает, что в рамках чистой демократии большинства («из учебника») невозможно блокировать деятельность трикстеров. Простое воспроизводство институтов демократии большинства (свобода слова, верховенство закона, разделение властей, независимый суд, сменяемость власти) позволяет трикстерам внедряться в эти институты и паразитировать на них, эффективно используя оные в своих интересах.

ХIII. Политическая история

Те страны, которые сегодня относят к числу «эффективных демократий», в течение второй половины XIX и всего XX века разработали эффективные инструменты противодействия трикстерам, позволяющие нейтрализовать их возможности по манипулированию наивным большинством избирателей. Как правило, в таких странах существует негласный пакт о правилах политической игры, согласно которому допустимы только лёгкие методы манипулирования избирателями, а также существует целый ряд табуированных действий, неприемлемых среди участников конвенции. Такой пакт позволяет выявлять, подвергать обструкции и в дальнейшем не допускать в политику

трикстеров, которые были замечены в использовании неконвенциональных методов манипулирования избирателями. Этому пакту следуют представители всех политических сил, конвенция является межпартийной.

Такой пакт не фиксируется в праве и формальных институтах демократии большинства, а потому его не переносят в страны «новой демократии» вместе с классическими политическими институтами. Большинство политических учёных и практикующих политиков даже не подозревает, что существует такой пакт, передаваемый из поколения в поколение в виде неписанных традиций. Его наличие для его последователей оказывается естественным, как воздух для животных или вода для рыб. А в странах, которые ранее не использовали в своих политических системах демократические институты, традиции и технологии отсечения трикстеров, ведущих себя неконвенционально, оказываются белым пятном, неизвестным знанием.

XIV. Политическая технология

Один из путей решения проблемы трикстеров состоит в создании странами «новой демократии» пакта и традиций, аналогичных пактам в странах «старой демократии». Но этот путь имеет ряд недостатков, рассматривать которые в рамках темы этой книги нет необходимости.

Другой путь состоит в следующем: необходимо создать правовое пространство, в которое трикстеры не смогут попасть. Для этого подходят суверенные экстерриториальные юрисдикции, приём в которые будет осуществляться на основе анализа личной истории каждого кандидата. Не все суверенные сообщества будут предъявлять строгие требования на входе, но это отразится на репутации таких сообществ. Вместе с тем, сообщества, ограждающие себя от проникновения трикстеров (или изгоняющие их при совершении неконвенциональных поступков), смогут повышать свою репутационную капитализацию и получать наилучшие возможности во внешних взаимодействиях. С другой стороны, при решении внутренних вопросов они будут застрахованы от разрушительной деятельности трикстеров, манипулирующих теми гражданами этих сообществ, что решили не тратить значительное время на политику.

Появление высокоэффективных экстерриториальных сообществ, защищённых от деятельности трикстеров, заставит все остальные системы самосовершенствоваться благодаря механизму конкуренции.

Вот как я объясняю необходимость взять и воплотить в жизнь идею панархии, разработанную 150 лет назад Полем Эмилем де Пюидом. Тем не менее, как следует из приведённых выше наблюдений, эта система не может быть навязана большинству (примерно 90%, а то и 99%) граждан. Они не хотят принимать самостоятельных решений. У них с трикстерами взаимовыгодный симбиоз: одни снимают с себя всю ответственность, платят налоги, а другие принимают за них решения, собирают налоги и объясняют, почему заявленные цели не достигнуты.

Той малой доле граждан, что понимают опасность нахождения трикстеров рядом с ними, необходимо дать возможность выйти из-под власти территориальных государств. Создание новых суверенных юрисдикций запустит процессы конкуренции, которые будут с неизбежностью вести к улучшению управления не только в экстерриториальных сообществах, но и в старых территориальных государствах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ,
в котором подведён итог всему вышесказанному

Пора.

Сведения об авторе

Алексей Владиславович Шустов

Родился и жил в Ленинграде – Санкт-Петербурге с 1971 по 2022 год.

Окончил факультет психологии Санкт-Петербургского государственного университета в 1993 году с отличием. В 1999 году защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата психологических наук по политической психологии. Преподавал в СПбГУ и СПб филиале НИУ «Высшая школа экономики».

В 1990 – 1993 годах – депутат Дзержинского районного совета народных депутатов Санкт-Петербурга. В 1991 – 2022 годах – председатель Совета общественной организации «Ассоциация психологического консультирования – Ассоциация молодых психологов Санкт-Петербурга».

Работал на выборах с 1990 по 2004 год, в том числе проводил избирательные кампании кандидатов «под ключ»; работал в штабах и руководил полевыми агитационными командами в ходе избирательных кампаний А.А. Собчака на пост губернатора Санкт-Петербурга в 1996 году и В.А. Яковлева на пост губернатора Санкт-Петербурга в 2000 году.

В 1999 – 2003 годах – советник губернатора Санкт-Петербурга по связям с общественностью, в 2002 – 2004 годах – директор Санкт-Петербургского государственного унитарного предприятия «Дирекция юбилейных торжеств». Входил в Организационный штаб по подготовке и проведению празднования 300-летия Санкт-Петербурга.

В середине 2000-х годов прекратил сотрудничество с официальными властями РФ.

В 2007 – 2009 и 2011 – 2014 годах – автор и ведущий передач на телеканале «Ваше общественное телевидение» (Санкт-Петербург), в 2011 – 2012 годах – главный редактор телеканала. В рамках телепередачи «Час истории» выпустил циклы «Похищенная Римская империя» и «Правда российской государственности» с участием ведущих историков Петербурга. Осенью 2011 года вёл телевизионные дебаты политических партий в ходе избирательных кампаний по выборам в Государственную думу РФ и в Законодательное собрание Санкт-Петербурга.

В 2012 году был организатором «Гражданских выборов» – альтернативного переголосования по кандидатурам в Законодательное собрание Санкт-Петербурга, проведённого смешанным способом (аналоговое и цифровое). В 2012 – 2013 годах руководил оргкомитетом политической партии «Культурная Россия» (не была зарегистрирована).

Читал публичные лекции по психологии, а также по темам, связанным с имперской историей Рима, Константинополя и с российской историей.

Автор книг «После государства» (2008), «Обуздай орка! Секреты психологии чиновников. Практическое пособие по законной эксплуатации госслужащих» (2010), «Похищение Римской империи» (2012), «100 лет триумфа: ФРС США и начало американской эпохи» (2013), ряда статей по политической, исторической и экономической психологии, политическому и государственному строительству.

После 24 февраля 2022 года осудил вторжение войск в Украину, официально отказался платить налоги в российский бюджет и покинул территорию страны.

Шустов Алексей Владиславович

ПОСЛЕ ГОСУДАРСТВА – 2.030

Опубликовано 31.05.2023

Формат PDF А4

Издатель А.В. Шустов

e-mail: alexei33sh@gmail.com